

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- С. А. АНТИПИН заместитель генерального директора Института исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, доктор экономических наук, профессор
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- М. В. КАРАСЕВА (СЕНЦОВА) заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Ю. В. КОСОВ заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. В. ЛАПАЕВА главный научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА директор Центра социально-экономических исследований Института США и Канады ФАНО, профессор кафедры международной экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор экономических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- В. С. ПЕРЕБОЕВ руководитель направления Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, кандидат политических наук
- Г. М. РЕЗНИК президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Е. С. САДОВАЯ заведующая сектором проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Л. В. СОКОЛЬСКАЯ доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук
- Н. Н. ТУРЕЦКИЙ директор НИИ государства и права им. акад. Гайрата Сапаргалиева (Астана, Казахстан), доктор юридических наук, профессор
- Г. Ф. ФЕЙГИН профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги. От имени Оргкомитета я поделюсь с вами некоторыми взглядами, а потом предоставлю слово вам, профессионалам. Я хочу еще раз обозначить тот тезис, с которым вчера выступал на Пленарном заседании.

У университетов есть своя миссия, чего сегодня в большинстве университетов не понимают. Университет должен давать студентам интегральное знание, универсальное. Надо сказать, что общая линия развития университетского образования не только в стране, но и в мире такова, что все факультеты разделяются на отдельные школы. Если посмотреть на западную структуру университетов, то это практически набор школ, слабо связанных друг с другом. То есть теряется «юниверсал»-знание, комплексное представление о Вселенной. Это, с одной стороны, понятно, потому что общий массив знаний становится все больше и освоить его все труднее. Но, с другой стороны, это недопустимо, потому что специалист, которого выпускает университет, становится, по Козьме Пруткову, подобен флюсу, то есть односторонним, неспособным ориентироваться в ситуации.

Например, здесь, в Университете, мы это сразу заметили по судейской практике, когда у нас реформировалась социально-экономическая система в стране и судьи вдруг оказались совершенно не готовы к хозяйственным спорам, к их ведению. Ситуация изменилась, законы поменялись, ну вроде бы что такого, в чем проблема? Можно судить по новым законам. Какие трудности? Но оказалось, что судьи к этому не готовы, потому что они не ориентируются в социально-экономической проблематике. Там, где было уголовное право, судьи понимали по традиции значение социума и как-то с этим справлялись, а в области экономических преступлений непонятно, «что такое хорошо и что такое плохо». То же самое происходит, когда речь идет, например, о судебной практике в части закона о СМИ, защиты чести и достоинства, то есть широкого круга новых явлений.

Экономисты у нас в стране не понимают, почему не срабатывают реформы, которые они задумывают. Если вы посмотрите на деятельность нашего правительства, то оно всерьез убеждено, что развитие экономики зависит от банковских процентов и тому подобного. Но почему у нас такой банковский процент, когда во всем мире в пять раз меньше и можно брать длинные кредиты? На этот вопрос уже никто и ответа особо не ищет. Давайте чуть-чуть изменим монетаристскую политику — чуть влево, чуть вправо, споры идут вокруг этого. И очень крупные фигуры или люди, которые оказались на том месте, где должны быть крупные фигуры, морочат нам голову тем, что, дескать, надо мелкий вид регулировать в хозяйственном механизме и тогда все заработает. А экономические реформы не входят в противоречие с культурой, с менталитетом населения.

У нас пропагандируется очень важная идея о том, что демократия — неременный спутник экономического подъема и что если будет демократия, за ней автоматически последует экономический подъем. Ну, я уж не спрашиваю про того, кого у нас демократически

избирают в арабских странах почему-то, после чего следуют войны, катастрофы. Например, на Ближнем Востоке ХАМАС побеждает. Обратимся к современной истории Южной Кореи и увидим, что после войны там был потрясающий экономический провал, когда один из очередных военных диктаторов слепо копировал все механизмы Соединенных Штатов. Потом был потрясающий подъем. Но он был связан не с демократией, а с тем, что очередной диктатор отказался от слепого копирования всего, что делали американцы, особенно в области культуры, и сказал: мы будем опираться на наши традиции, нам надо брать, конечно, все передовое с Запада, но все это должно проходить через призму нашей национальной культуры, самосознания, традиций и т. д. И вдруг — взлет Южной Кореи. Наконец, когда Южная Корея достигла такого уровня общественной зрелости, когда пришла демократия, экономический рост быстро замедлился, и очень существенно.

Лихачевские чтения призваны преодолеть проблемы в науке, которые сложились в разных областях знаний, и возродить одну из важнейших миссий университета — поиск важнейших узловых точек, где разные отрасли знания должны сходить вместе. В свое время я написал книгу о Лихачеве, а предисловие к ней — академик Янин, знаменитый исследователь новгородских рукописей и в целом древнерусской культуры, равновеликий по масштабу Дмитрию Сергеевичу. В частности, он отметил, что Лихачев — один из немногих в сфере гуманитарного знания, кто первым почувствовал необходимость возвращения к энциклопедизму, утерянному в науке примерно 150 лет назад, и я с ним согласен. После того как люди широких познаний, такие как Вольтер и Дидро, ушли с исторической арены, ученые исследуют более узкие, локальные проблемы. В структуру Российской академии наук входит большое количество специализированных институтов, которые занимаются углубленной проработкой различных важных научных проблем в рамках каждой дисциплины. Янин пишет о том, что у нас историки не разговаривают с литературоведами, люди сидят в соседних кабинетах и друг к другу вообще не заходят, поэтому очень сложно составить объективную картину тех или иных процессов, хотя логика научного творчества этого требует. В свое время Д. С. Лихачев пришел к нам в Университет именно потому, что ощутил тягу к смежным отраслям знания, а потом и к спасению своего предмета исследований в широком контексте общекультурного развития.

Я должен сказать, что все сидящие здесь, в Президиуме, люди — блестящие, потрясающие ученые и практики, которые давно сами ощутили такую же тягу и тоже к этому пришли. И Генри Маркович не случайно выигрывает сложнейшие юридические процессы, это человек, который осмысляет юриспруденцию в очень широком культурном контексте. Судьи это чувствуют, и они его слушают. То же самое могу сказать — если бы Гадис Абдуллаевич Гаджиев не ставил свое понимание Конституции, конституционного и судебного процесса в очень широкий контекст культуры, он не стал бы членом Конституционного Суда,

не взошел бы на олимп правоведения. Валерий Леонидович Макаров — академик, директор выдающегося экономико-математического института — всегда очень ярко выступает по различным проблемам культурного развития. Все это свидетельствует о том, что если мы — педагоги, профессура, студенты — хотим добиться больших успехов в своей предметной деятельности, мы должны уметь ее поместить в широкий контекст общекультурного развития.

К сожалению, мне как председателю Оргкомитета необычайно трудно побуждать ученых, участвующих в Лихачевских чтениях, писать доклады в таком контексте, потому что каждый хочет писать о конкретной профессиональной проблеме, которая его волнует. Но, тем не менее, мы все время просим специалистов и считаем очень важным на Лихачевских чтениях говорить не об узкопрофессиональных проблемах, а об экономике как части культуры, во взаимосвязи с культурой, о юриспруденции как части культуры, во взаимосвязи с культурой и т. д. И я призываю участников этой секции именно в таком контексте вести разговор. Мы поделили доклады на две группы: более общей тематики — экономика и право в контексте мирового культурного развития и более конкретной — экономика, право, культура на пространстве Евразийского экономического союза. Поскольку проблематика ЕврАзЭС сейчас имеет огромное значение для развития страны.

Владимир Путин провозгласил очень яркую идею, на которую мировое сообщество как-то не обращает внимания, ее пытаются интерпретировать так, будто Россия хочет восстановить Советский Союз. На самом деле идея Путина звучит иначе. Я специально изучал целый ряд документов, Путин говорит примерно следующее: если каждая из стран придет к европейскому образу жизни поодиночке, она будет находиться в очень уязвимом положении. То есть Россия, безусловно, идет в сторону Евросоюза. И вот когда с политической деятельностью страна вдруг оказывается оппонентом Евросоюза, это не наш выбор, не российский. Мы ощущаем себя европейцами, идем к образу жизни и стандартам Евросоюза, но даже России очень опасно выходить на контакты с Евросоюзом одной, потому что экономическая мощь недостаточна. И, конечно, мы должны переходить на стандарты Евросоюза постепенно, это невозможно сделать мгновенно и для этого требуется длительный период. Соответственно, Россия оказывается в уязвимом положении. Тем более в уязвимом положении оказываются Казахстан, Украина и т. д. Поэтому идея нашего Президента состояла в том, чтобы страны, находящиеся на близком уровне социально-экономического развития, объединились и вместе двигались к европейским стандартам жизни. Иначе мы окажемся в положении стран Восточной Европы, которые сейчас раздергивают — выдергивают рабочую силу, приватизируют из-за рубежа ведущие отрасли экономики и т. п. То есть Путин говорит — мы должны быть вместе с ЕС, но для этого нам нужно объединиться и вместе подтягиваться к европейскому уровню, и для России эта задача остается первостепенной. И мне, конечно, было бы очень интересно, чтобы ведущие специалисты в области экономики, правоведения, которые сейчас участву-

ют в Лихачевских чтениях, тоже обратились к проблемам ЕврАзЭС, выступая экспертами по представленным здесь докладам данной тематики. Поскольку лишь экономически ЕврАзЭС соединен быть не может, сразу встают вопросы об общем правовом поле, о роли языка и культуры, о таможенных правилах, трудовой миграции и ее регулировании, о преодолении различий менталитетов, преодолении ксенофобии и тому подобного, то есть возникает целый комплекс проблем, которыми занимаются Лихачевские чтения.

Желаю плодотворной работы.

Г. М. РЕЗНИК: — Друзья, приветствую всех вас от имени Президиума. Еще раз — мы рады всех вас видеть. И Александр Сергеевич Запесоцкий — большой демократ, демократическим путем назначил нас в этот Президиум. Для затравки — небольшая ремарка: дело в том, что Александр Сергеевич напрасно записал меня в демократы. Я скорее либерал. И я за то, чтобы признавалась священной и неприкосновенной частная собственность. Когда частная собственность в таком статусе существует, даже какие-то мощные потрясения, которые испытывает государство, как было сейчас на территории Европы, в конечном счете не приводят к хаосу и в целом к гибели стран.

Первое слово предоставляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, мы живем во время глобальных перемен. И самой значимой переменой всей нашей жизни стал крах социалистической системы. Сутью социалистической системы является уничтожение частной собственности на средства производства, и отсюда — соответствующие ей адекватные политико-правовые формы. Поскольку суть состояла в уничтожении частной собственности, исходным моментом всех перемен стала так называемая приватизация социалистической государственной собственности. Я говорю «так называемая приватизация», потому что на самом деле это была не приватизация, а десоциализация государственной собственности. Должна была быть десоциализация общенародного состояния, то есть переход этого общенародного состояния в частные руки. Таким образом, именно приватизация стала переломным моментом между двумя эпохами: до и после социализма. И это глобальное, эпохальное с точки зрения всего общечивилизационного развития человечества явление до сих пор у нас не стало предметом сколь-нибудь серьезного философского, экономико-правового анализа. Оно не стало даже предметом широкого и серьезного общественного обсуждения. Крика было много, но серьезного разговора, ориентированного на какой-либо общественный договор о собственности, не состоялось.

Почему так произошло? Думаю, во многом из-за того, что отношение к социалистической собственности, приватизации — это во многом отношение к социализму как строю и к лежащей в его основе коммунистической идее. А здесь уже много веков существует противостояние между сторонниками уничтожения частной собственности — это носители левой идеи —

и либералами, такими как Генри Маркович, которые тоже вполне справедливо полагают, что в основе свободы индивида лежит частная собственность. На пленарном заседании было сказано: между двумя принципиально несовместимыми позициями не может быть диалога, потому что там нет взаимопонимания. Для того чтобы состоялся разговор между этими принципиальными точками зрения, необходимо ввести в контекст новую позицию, опирающуюся на некий третий принцип. С позиции подобной теории я бы и хотела поговорить о проблеме.

Такая теория была разработана в российской философии права в конце 1980-х годов академиком Нерсесянцем. Вопрос, который он поставил, звучал так: являлся ли социализм ошибкой истории? То есть было ли это колоссальное напряжение человеческих сил, в первую очередь всех, кто населял Советский Союз, результатом ошибки и, попросту говоря, глупости? И он ответил на этот вопрос: нет, это не было ошибкой. Социализм вообще входит в логику исторического развития движения к свободе как строй по природе своей негативный к капитализму, поскольку он основан на отрицании права частной собственности. Но отрицая данное право и кровавыми, насильственными способами утверждая негативное начало, социализм создает предпосылки для диалектического синтеза. Поэтому вопрос состоит в том, какой синтез может быть получен на базе диалектического соединения социализма и капитализма.

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, я хотела бы спросить: а зачем вообще нужен такой синтез? Не проще ли нам всем, уставшим от социальных экспериментов, вернуться на проверенный историей капиталистический путь развития? Я думаю, что можно было бы и вернуться, если бы этот путь не был заблокирован теоретически. На практике, поскольку, как опять сказал Генри Маркович, жизнь богаче теории, возможно, какие-то постсоциалистические страны пойдут к капитализму и, многие не любят этот термин, цивилизованному рынку. Они войдут в капитализм с помощью Запада и каких-то других факторов, о которых я сейчас не буду говорить, но это не относится к нашей стране. Для России этот путь *теоретически* заблокирован, на практике тоже, может быть, нам что-то и удастся. Почему?

На самом деле доминирует представление, что теоретически как раз дорога открыта, но есть практические трудности. Их там много, разные перечисляют. Те, кто так рассуждает, говорят, что в целом у нас создана основа рыночной экономики, частной собственности, доминирует государственный сектор, созданы негосударственный сектор экономики, рыночная инфраструктура, формальные институты демократии. Некоторые даже, например Александр Сергеевич Запесоцкий, говорят, что демократия вообще-то и не нужна, можно построить рынок с опорой на авторитарные методы, и ссылаются на Китай (в данном случае он сослался на Южную Корею). Не буду останавливаться на этом тезисе, скажу только, что Россия — это не Китай и не Корея. Самое главное, хорошо изученный западный опыт, чего нельзя сказать об опыте этих стран,

свидетельствует, что демократия является имманентным атрибутом рыночной экономики. А что такое демократия? Это ротация политических элит по итогам выбора. Только благодаря такой ротации возможно соответствие циклическому характеру рыночной экономики и нахождение оптимального баланса между свободным развитием рынка и его публично-правовым регулированием. Без демократии рыночная экономика — это, скорее всего, имитация рыночной экономики.

Еще одни оптимисты, надеющиеся на наш возврат к капитализму, говорят: да, нам надо построить реальную демократию, создать независимый суд, некоррупционное чиновничество и эффективно работающий парламент, и тогда все будет хорошо. Они не учитывают другого важного обстоятельства. Дело в том, что демократия вообще как движение от феодализма к капитализму выросла из разграничения властей собственности. Суть нашей приватизации, которая по классификации Международного банка названа инсайдерской, заключалась в том, что произошло огосударствление собственности. Неверно думать, что это административно-командная система социализма была основана на соединении властей собственности, а мы путем приватизации ее разгосударствили. На самом деле в результате приватизации и создания многих частных собственников было создано и государство как частный собственник. Оно вступило в рыночные отношения и впервые стало реальным собственником. При социализме никакой реальной собственности не было. Было просто публичное властное управление хозяйственным конгломератом. Поскольку другого варианта становления собственности не было, то слияние властей собственности при такой модели приватизации было предопределено. Оно было предопределено при любой модели приватизации, потому что произошла передача общенародного достояния в частные руки.

Любая приватизация, даже если бы она была лучше, является неправовой формой десоциализации собственности. Вопрос состоит в том, какой должна быть правовая модель приватизации. Нам надо обязательно построить такую теоретическую конструкцию идеальной, желательной модели приватизации для того, чтобы начать этот разговор. Это не значит, что такая модель будет реализована, она выступит теоретическим критерием для оценки ситуации. Без данного критерия наука не работает.

Кратко расскажу о сути концепции цивилизма Нерсесянца. Идея десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации изначально носила неправовой характер, поскольку общественное, а не государственное достояние не может быть передано отдельным частным (то есть не всем) лицам. Второй тезис: общенародный характер социалистической собственности означает, что все мы — наследники этой собственности в равной мере и с равным правом, и за каждым гражданином страны изначально должно быть признано право на равную долю от десоциализации этой собственности. То есть право на *индивидуальную*, но не частную собственность. В чем отличие? Индивидуальная собственность — это собственность на средства производства, которые есть

у каждого гражданина просто потому, что он гражданин этой страны. Таким образом, это приращенное право по данной конструкции. Частная собственность может быть только у некоторых, и она и накапливается у некоторых, монополизирована. Разница между обществом, где есть индивидуальная собственность на средства производства и частная собственность, принципиальна с точки зрения Нерсисянца. Речь, конечно, не идет о примитивном физическом делении. Речь идет о применении юридической конструкции равнодолевой собственности, которая передается в аренду, то есть во владение и пользование того лица, которое решит стать хозяйствующим субъектом. На эту справедливо поделенную собственность человек может уже сколько угодно наращивать свою частную собственность и, соответственно, развивать экономику. Такая конструкция у нас, конечно, не могла быть реализована. И понятно почему: когда романтический подъем эпохи перестройки спал, то стало ясно, что наше общество — вообще очень большое общество, это было даже неожиданно для многих. Но я думаю, что эта концепция имеет общецивилизационное значение, и, как всякая хорошая теория, она рано или поздно реализуется в том или ином варианте.

Г. М. РЕЗНИК: — Валентина Викторовна, Вы сказали, и я с Вами абсолютно согласен, что Россия — это не Китай и не Корея. Тогда ответьте, а Россия — это Европа?

В. В. ЛАПАЕВА: — Конечно, Россия — это Европа. Во всяком случае с точки зрения права нам надо стремиться к европейским стандартам и не надо этого стесняться. Дело в том, что если мы хотим построить рынок (назовем его «капитализм» или как-то иначе), без реальной демократии этого не сделать. Но рынок надо строить параллельно с работой по разграничению права и собственности, и здесь, как сказал Александр Сергеевич Запесоцкий, демократия даже где-то мешает. Если опираться только на демократию, игнорируя общественный договор по поводу собственности, мы проблему не решим. Нам нужен честный разговор с обществом для того, чтобы легитимировать сложившуюся собственность. Потому что, если собственность нелегитимна, экономика работать не будет. Капитал будет уходить из страны, и никто не станет сюда инвестировать. Нам нужно легитимировать собственность, а параллельно работать над укреплением демократии.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо большое. Хочу сказать, Вы пролили бальзам на мою израненную последней пропагандой душу, когда четко сказали, что Россия — это Европа.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Валентина Викторовна, Вы говорите об идее академика Нерсисянца и предлагаете вариант приватизации, основанный на применении долевой собственности. Но ведь, по сути дела, в нашей стране эта идея Нерсисянца была реализована применительно к приватизации сельскохозяйственной земли — все земля была приватизирована по принципу

долевой собственности. К чему это привело? К тому, что сейчас эта земля совершенно не осваивается, она зарастает кустарниками, то есть эта идея оказалась совершенно неэффективной. С помощью каких аргументов Вы можете доказать, что этот вариант приватизации лучше, чем тот «воровской», как его называют, который у нас был?

В. В. ЛАПАЕВА: — Гадис Абдуллаевич, во-первых, я говорю не о приватизации, а десоциализации собственности. Но дело даже не в этом. Это очень продуманная концепция, она предлагает создание общенародного фонда, куда будут поступать доходы от использования объектов теми, кто стал субъектами хозяйствования. Предполагается, что из этих фондов каждому гражданину будет поступать его доля от капитализации этого общенародного достояния. То есть, когда выпускают капитализацию, каждый из нас имеет право на свою долю. Задача фонда состоит в том, чтобы «отцепить» деньги граждан от государства и таким образом вывести граждан из-под давления этого бюрократического коррумпированного государства. То есть все эти социальные расходы, которые мы получаем через налоги, мы могли бы получать через этот фонд напрямую. Идея состояла в уменьшении зависимости человека от политической власти в конечном итоге. А что там с землей, я, честно говоря, просто не знаю. Надо разбираться, почему там не сработал этот механизм. Вероятно, все было передано опять в общегосударственную копилку, и как чиновники ее расходуют — это уже другой вопрос.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Валентина Викторовна, у меня также вопрос, касающийся приватизации и ее моделей. Когда в конце 1980-х годов решался этот вопрос, специфика ситуации состояла в том, что никто в стране не имел финансовых ресурсов, чтобы эту собственность купить, и право наследования тоже никто не мог иметь, поскольку с 1917 года прошло уже 70 лет. В Вашей концепции предусмотрен какой-то критерий, с помощью которого человек может доказать свое право на собственность? Допустим, в Германии это были западные немцы, которые купили восточное предприятие, и т. п.

В. В. ЛАПАЕВА: — Каждый гражданин, который родился, имеет равное право на свою долю социального наследства, это приращенное право. Кто-то взялся бы вести хозяйство, не всем же быть собственниками. Доходы же от деятельности тех, кто захотел и стал эффективным собственником, шли бы в общую копилку. А то, что они сверх этого нарастили за счет своих собственных усилий, это была бы уже их частная собственность. Таким образом, предусмотрено соединение частной и индивидуальной собственности.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемая Валентина Викторовна, Вы действительно представили проект Нерсисянца как третий путь между капитализмом и социализмом или коммунизмом. С Вашей точки зрения, это единственный путь или есть другие варианты?

Нельзя ли рассматривать современные социал-демократии как тоже третий путь, и некапиталистический, и несоциалистический?

В. В. ЛАПАЕВА: — Современная социал-демократия — это, собственно, капиталистический путь, только с большими социальными компромиссами со стороны властной элиты. Это просто капиталистическое общество, наученное горьким опытом социализма, сделало такие уступки. Но это не меняет принципиально строя. А цивилизм — это строй, когда у каждого гражданина есть доля собственности на средства производства. То есть это принципиально другая конструкция. Есть ли еще какие модели, я не знаю. Я считаю, что это теоретически обоснованная модель.

Г. М. РЕЗНИК: — Благодарю Вас. Слово предоставляется Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Постараюсь отойти от узких вопросов, как просили организаторы. В современном мире в условиях глобализации особую актуальность приобретают вопросы модернизации правовой системы государства, и в том числе, я думаю, эти проблемы актуальны как для России, так и для Казахстана. Возникает вопрос, в каком направлении двигаться, поскольку правовое поле — это очень важный момент для модернизации всех направлений жизнедеятельности общества. Анализ проводимых и в Казахстане, и в России реформ показывает, что мы в основном интегрируем европейскую правовую систему двумя способами. В первую очередь — за счет рецепции отдельных норм институтов зарубежного, прежде всего европейского права в нашу правовую систему. Во-вторых, за счет имплементации норм международного права в национальное законодательство. Такие подходы позволяют рассматривать модернизацию законодательства именно в контексте мирового культурного развития.

На примере отдельных моментов реформирования законодательства в Казахстане хочу показать, насколько мы сейчас сближаемся с европейской правовой системой. На сегодняшний день у нас в парламенте рассмотрен во втором чтении ряд законопроектов, в том числе проект новой редакции Уголовного кодекса. Это абсолютно новый Уголовный процессуальный кодекс, административные и уголовные исполнители. Я хочу продемонстрировать, как идет эта интеграция, на основе такой базовой категории уголовного права, как преступление или правонарушение. У нас впервые за весь период (и советский, и современный) существования законодательства изменился подход к определению преступления, было введено понятие уголовного правонарушения, куда входят и преступления, и уголовные проступки. Этот подход давно существует в европейской системе права. На сегодняшний день в нашем уголовном законодательстве это понятие тоже есть, что привело к тому, что около 100 норм из разряда преступлений перешли в разряд уголовных проступков. И из административного законодательства тоже достаточно много составов правонарушений попали в эту

категорию. Такой подход заставил законодателя пересмотреть многие уголовные институты. Я считаю, что это современно, актуально, это действительно новые подходы.

Однако мы не можем просто копировать европейские нормы и положения в свое законодательство. Мы должны учитывать специфику нашей правовой системы, уровень нашей правовой культуры, поскольку эти нормы должны быть не просто зафиксированы, они должны начать работать. А так происходит не всегда. Например, в одном из вариантов новой редакции Уголовного кодекса в Казахстане предполагалось ввести уголовную ответственность юридических лиц. Однако выяснилось, что это требует пересмотра ряда институтов, в том числе системы наказания, применительно к ответственности юридических лиц. С одной стороны, это обязывает на другом уровне пересмотреть концептуальное положение в науке уголовного права, в том числе касательно вопроса субъекта преступлений или субъекта уголовной ответственности; с другой стороны, мы должны говорить о пересмотре источников уголовного права, то есть, по сути, должны выходить за предмет уголовного права, рассматривать его шире, чем традиционно принято. И мы отказались на сегодняшний день от введения уголовной ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве, поскольку эта ответственность, по сути, уже давно прописана и существует в административном законодательстве Казахстана. В этом контексте хотелось бы сказать, что диалог необходим, но без учета правовой системы государства мы ничего сделать не сможем.

Сейчас уже объявлено о том, что начинается реформа и в российском уголовном законодательстве. С учетом близости наших правовых систем, связей между Казахстаном и Россией, модернизация законодательства в наших странах, на мой взгляд, должна идти в одном направлении, тем более в рамках Таможенного союза, в рамках ЕврАзЭС и т. д. Для того чтобы работали все остальные институты, у нас должно быть одинаковое правовое поле.

Хочу обратить ваше внимание еще на один важный момент. Ряд изменений законодательства, не только уголовного, осуществлялся у нас за счет рецепций, но без глубокой теоретической проработки. Поэтому я считаю, что необходимо в первую очередь на концептуальном уровне проработать все положения, а потом уже закреплять их непосредственно в новом законодательстве.

Второе направление, которое я обозначила, — имплементация норм международного права в национальное законодательство. Это как раз то, что позволяет сблизиться нашим правовым системам, и то, к чему обязывают международные договоры, которые подписывают наши страны. Но, опять-таки, при имплементации норм международного права, особенно при установлении уголовной ответственности за отдельные преступления, мы должны в первую очередь учитывать специфику собственной правовой системы. На сегодняшний день отмечается, что иногда уголовный закон сам по себе избыточен, там появляются достаточно много новых составов преступлений, в чем,

в общем-то, нет необходимости. Допустим, в Российском уголовном кодексе помимо основного состава мошенничества предусмотрено несколько вариантов мошеннических действий, что в перспективе при классификации данных деяний вызовет соответствующие проблемы. Если при имплементации мы будем учитывать особенности наших правовых систем, это, во-первых, позволит избежать последующих проблем на этапе применения права и, во-вторых, станет подтверждением эффективности всех проводимых в стране реформ.

В. Л. МАКАРОВ: — Казахстан — это Европа или нет?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Мы являемся частью континентальной европейской системы права. Мы этого никогда не отрицали, мы говорили о том, что основные положения советской системы права строились на этом, но с учетом нашей специфики в тот момент. В 1990-е годы мы очень много заимствовали именно из континентальных институтов. И сейчас однозначное направление — Казахстан интегрируется в европейскую систему права.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — 4 % территории Казахстана находится за Уралом, это Европа, но остальная территория...

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Все равно мы смотрим в эту сторону. Поэтому я и поднимаю вопрос о близости наших правосистем, о том, что мы должны двигаться в одном направлении. Я уже говорила, в России тоже объявлена реформа и будет разрабатываться новая редакция Уголовного кодекса. Поэтому, чтобы нам было легче взаимодействовать в рамках единого пространства, необходимо на концептуальном уровне проработать все эти положения. На сегодняшний день мы декриминализовали многие экономические преступления, что также свидетельствует о перспективах развития. На данном этапе мы поняли, что не решим проблем только за счет уголовных репрессий, особенно в сфере экономической деятельности, поэтому государство старается использовать меньше уголовно-правовых средств. У нас очень многие составы были декриминализованы именно из блока экономических преступлений. Я считаю это достаточно позитивным на сегодняшний день моментом.

Г. М. РЕЗНИК: — Ольга Викторовна, у меня к Вам вопрос. Те инновации, которые связаны с принятием Уголовного кодекса, все-таки субсидиарны. Вообще уголовное право — это пара фраз на тему десяти заповедей. И кардинальные изменения Уголовного кодекса могут свидетельствовать о том, что какой-то из принципов уголовного права подвергается ревизии. Вы сказали, что более широко трактуется определение преступления, теперь это правонарушение, то есть то, что в Европе было уголовными проступками, а у нас, соответственно, относилось к административному законодательству. Но все-таки принципы уголовного пра-

ва, я надеюсь, не пересмотрены, потому что при кардинальном изменении это означает, что классическая теория, которая лежит в основе Уголовного кодекса европейских стран, заменена, скажем, социологической. Введено, например, понятие общественной опасности личности вместо определения преступления. Насколько кардинальные изменения произошли в Уголовном кодексе Казахстана? Либо речь идет о новых составах, поскольку жизнь меняется, что-то появляется, что-то исчезает?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Нет, настолько кардинальных изменений не произошло, поэтому мы говорим не о новом Уголовном кодексе, а о новой редакции. У нас будет новая редакция уголовно-процессуального законодательства — с 2015 года там вводится новая модель уголовного судопроизводства, поскольку будет исключена стадия возбуждения уголовного дела и существенно изменится подход в процессуальном законодательстве.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Марине Валентиновне Карасевой.

М. В. КАРАСЕВА: — Уважаемые коллеги, поскольку у нас на секции разговор о праве и экономике в контексте культур, то мне, как специалисту в области финансового права, представляется, что необходимо говорить о финансовом праве и публичных финансах в контексте культур. Финансовое право — одна из отраслей права, которая регулирует экономические отношения, ту их часть, которая представляет собой публичные финансы. Но именно в этом контексте финансового права и публичных финансов, а тем более в контексте культуры, мы, ученые, юристы, никогда этой проблемы не касались. Мы вообще не касались проблемы права и культуры на отраслевом уровне. Если в общей теории права, философии права об этом как-то упоминается, что-то говорится, то отраслевые юридические науки никогда не рассматривали право в контексте культурных ценностей. Но если судить по вчерашнему и сегодняшнему заседаниям, нам действительно есть о чем поговорить.

В целом можно сказать, что проблема иерархии культурных ценностей в конкретных отраслях права сегодня уже назревает, имеет практические выходы и ее надо решать. Что касается рассматриваемого аспекта, прежде всего надо отметить: право в целом и финансовое право в частности отражают определенный уровень культуры в обществе. Но отражают этот уровень специфично, так же как и всякая отрасль права. И мы это можем обнаружить, найти, исследовать. Но в то же время мы должны понимать, что право, как и экономика, является резервом или, так сказать, стимулом общекультурного развития. И причина этого в том, что право в целом и всякая отдельная его отрасль имеют собственные культурные ценности или, иначе говоря, обладают субкультурой. И эти собственные культурные ценности в каждой отрасли права, как и в каждом сегменте экономики, влияют на развитие общей культуры в обществе.

Я могу привести примеры из финансового права, но, может быть, это несколько сложно для понимания в целом, поэтому дам пример сначала из гражданского права, потому что об этом все имеют представление. Важнейшей ценностью именно гражданского права является свобода гражданского договора. То есть гражданский договор должен быть свободным, и чем выше степень свободы этой, так сказать, ценности гражданского права, тем выше, безусловно, вообще свобода отношений в обществе, в самых различных его сегментах. Более того, тем выше такая культурная ценность, как возможность гармонизации интересов членов этого общества. Если степень свободы гражданского договора в праве высока, то и общество стремится к реализации такой культурной ценности, как баланс, гармонизация интересов, и все меньше, так скажем, старается решать вопросы принудительным, каким-то агрессивным путем. Что касается финансового права и публичных финансов в контексте, то финансовое право как отрасль права обладает своими культурными ценностями, то есть своей субкультурой, а публичные финансы как экономический сектор обладают своей субкультурой.

Первая тенденция в развитии финансового права и публичных финансов заключается в том, что субкультура и культурные ценности в этих сегментах развиваются идентично и синхронно. Потому что публичные финансы не могут существовать иначе как в правовой форме, экономисты это знают, поэтому для экономики и финансов очень важно право. И в связи с этим те культурные ценности, которые характерны для финансового права, характерны и для публичных финансов. И судить об этих ценностях мы можем исходя из анализа финансового законодательства.

Приведу пример. Ценностью финансового права является налоговое законопослушание. Но мы можем сказать, что это же является ценностью и публичных финансов (только назовем ее иначе — добропорядочный, законопослушный налогоплательщик). Или: бюджетная дисциплина, финансовая дисциплина в целом — ценность публичных финансов. Но это же ценность и для финансового права. Финансовое право эту ценность делает предметом разработки в законодательстве. Точно так же, как добропорядочный налогоплательщик — это некая ценность, к которой мы сегодня пришли. Мы видим необходимость в этом добропорядочном налогоплательщике, знаем, что без этого сегодня уже нельзя, и право начинает разрабатывать эту ценность как предмет правовой деятельности.

И в этом смысле, конечно, ценности финансового права влияют на общее развитие культуры, так же как и ценности публичных финансов, которые развиваются синхронно. Они, в общем-то, идентичны в большей части случаев и влияют на общую культуру в обществе. Но здесь есть и другой аспект, который можно выявить при анализе, и он пока идентичен. Как я сказала, в науке вообще не разрабатывалась эта проблема, но если покопаться, видимо, можно найти что-то новое. Как я обнаружила, иногда возникает конкуренция ценностей между субкультурой финансового права и субкультурой публичных финансов. В публичных финансах важ-

нейшей культурной ценностью является бюджет — это то, к чему пришло общество на определенном этапе его развития, национальное достояние, то, без чего невозможно обеспечить жизнедеятельность государства. И мы все согласны, что он необходим, его надо выполнять. Вообще в праве, в частности в финансовом, существует такая субкультурная ценность, как юридическая ответственность. Здесь можно говорить о финансово-правовой или налоговой ответственности, но это уже отдельный вопрос.

В этой конкуренции побеждает материальная ценность, экономическая, то есть бюджет, а не духовная. Почему? Есть юридическая ответственность, и есть теория юридической ответственности, разработанная правовой наукой. Однако специалисты в области налогового права знают, что здесь юридическая ответственность имеет усеченный характер. Если налогоплательщик не выполняет свою конституционную обязанность, то государство заставляет его выплачивать неуплаченный налог и возлагает на него дополнительное обременение — пеню. И если он не уплачивает это дополнительное обременение, то государство взыскивает ее в бесспорном порядке, то есть не вводит пеню в систему юридической ответственности. Потому что, если бы оно ввело пеню в систему юридической ответственности, то надо было бы устанавливать вину налогоплательщика. Специальный орган в процессуальном порядке рассматривал бы этот вопрос, что привело бы к тому, что бюджет не мог бы быстро получить свои деньги и это дополнительное обременение — пеню. Это вредно для бюджета и с точки зрения культуры, так как бюджет — это величина абсолютная, нежелезобетонная юридическая ответственность. В конкуренции культурных ценностей бюджет побеждает, если мы говорим о правовом контексте. Такой аспект диалога субкультур тоже существует.

Сейчас, если позволите, отвечу на вопрос, который вы задавали первым двум докладчикам: «Является ли Россия Европой?». Я хочу ответить в чисто прикладном аспекте, а не в теоретическом. Мир на нас в этом плане смотрит по-разному. Я была свидетелем следующего разговора. Я являюсь членом Европейской ассоциации профессоров налогового права. Это известная организация, которая зарегистрирована в Амстердаме и работает на весь мир. Я была первой, кто вступил в эту Европейскую ассоциацию от России, до этого никого не было. Я подала заявление и все необходимые документы в 2006 году. И когда президиум Ассоциации их рассмотрел, то меня приняли только в качестве коллективного члена. Когда я услышала, что Россия принимается в лице Карасевой Марины Валентиновны в качестве коллективного члена, я постеснялась президиуму задать вопрос. Но за мной сидел профессор налогового права из США, который спросил: «Скажите, а почему Россия принимается в качестве коллективного члена? Разве Россия не член Совета Европы? Россия — это не Европа?» И председатель ответил: «Вы знаете, ответа на этот вопрос мы однозначно дать не можем». Но самое главное здесь что? Что мы приняты в Европейскую ассоциацию, просто Россия не может быть членом научного комитета и что-либо определять. Ну, в общем,

для Европы этот вопрос не однозначен, а для Соединенных Штатов — однозначен. Они считают нас Европой. Не знаю, являемся ли мы Европой, поэтому выступаю от России в качестве коллективного члена.

Г. М. РЕЗНИК: — Когда хотят, они считают нас своими. У меня к вам такой вопрос. Все-таки как при разработке Налогового кодекса РФ туда была введена презумпция невиновности налогоплательщика? Кстати сказать, против этого сильно возражали, потому что говорили, что мы впереди планеты всей, и в налоговом праве зарубежных государств, тех самых, так сказать, продвинутых, цивилизованных, правовых, все-таки такой презумпции нет. Вы сказали, что перевес в конкуренции ценностей в сторону бюджета, а как с презумпцией невиновности?

М. В. КАРАСЕВА: — Как она была введена непосредственно и кто это придумал, я не знаю.

Г. М. РЕЗНИК: — Я знаю, но не скажу.

М. В. КАРАСЕВА: — Я тоже слышала, но, в общем, я этого не знаю точно. Мы должны понимать, что презумпция невиновности — это правовой принцип.

Г. М. РЕЗНИК: — Но в гражданском праве ее нет.

М. В. КАРАСЕВА: — Да, но мы должны помнить, в каких условиях принимался Налоговый кодекс. Он был принят в 1998 году. Это было время, когда налогоплательщик очень жестко боролся за свои права. Это стало происходить начиная с 1993 года, после того как президент Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». И, соответственно, стало вводиться огромное количество налогов. И налогоплательщики стали создавать ассоциации и включаться в этот процесс.

Г. М. РЕЗНИК: — Я прекрасно помню, в каких условиях принимались эти законы, потому что принимал участие в разработке некоторых законодательных актов. Я полностью с Вами согласен, и печаль овладевает моей душой.

М. В. КАРАСЕВА: — Так вот, для того чтобы успокоить налогоплательщика, обеспечить культурную ценность — гармонизацию интересов налогоплательщика и государства, государство шло тогда на различные шаги. Поэтому, я думаю, это как раз вопрос права.

Г. М. РЕЗНИК: — Все правильно, это очень хороший пример, когда при принятии конкретного политического решения надо учитывать, между прочим, время и место.

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ, доцент кафедры экономики и управления СПбГУП: — Уважаемая Марина Валентиновна, я хочу в Вашем лице задать вопрос юристам, которые тут присутствуют. Вы сказали, что ценностью гражданского законодательства является свобода

заключения договора. Исходя из этого, надо думать, что количество законов уменьшается по ходу заключения договора. Поэтому не является ли отмена всех законов вообще достижением цели гражданского законодательства, поскольку тогда все точно будут свободны? Это был риторический вопрос, а его конкретное воплощение в следующем. Не кажется ли Вам, что в последнее время наше общество испытывает некоторое эвристическое воздействие со стороны юридического кодекса нашей страны, которая наприжимала столько законов, тем самым уменьшив дееспособность населения страны до такого состояния, что ему уже просто безразличны эти законы? Является ли эта тенденция постоянной регламентации все более мелких вопросов процессом, который этим, конечно, подрывает законность как таковую?

Г. М. РЕЗНИК: — Право подрывает, наверное?

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ: — Да, право.

М. В. КАРАСЕВА: — Что касается первого вопроса: если мы уничтожим все законы, то свобода гражданского права будет обеспечена, — здесь как раз, я думаю, ваше заблуждение связано с тем, что вы не юрист. Ибо вы экономист, и в данном случае задаете мне экономический вопрос, а не юридический. Свобода гражданского договора — совершенно конкретное понятие, которое имеет определенные рамки в гражданском праве. Я не буду здесь говорить, что это такое, но это не свобода делать что хочешь. Это разные вещи: свобода делать что хочешь и свобода гражданского договора.

Теперь что касается второго вопроса — не много ли законов и не стоит ли регулировать какие-то отношения менее тщательно, чем, может быть, сегодня регулируется. Конечно, в обществе существует проблема пределов правового регулирования. Знаете, вообще эта проблема мало затрагивается, но она решается. Решается медленно, и какой-то концепции решения этой проблемы, в частности проблемы необходимости правового регулирования тех сфер, которые должны быть отданы на самостоятельную реализацию субъекта, еще не найдено. Поэтому мы двигаемся пока путем проб и ошибок.

Г. М. РЕЗНИК: — Прошу выступить профессора Георгия Борисовича Клейнера.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Мне выпала доля установить гармонию между гендерным составом, а также между экономистами и юристами, поскольку я отношусь все-таки к экономическому «племени». Я хотел бы это осуществить на примере установления связи между выступлениями первого и второго докладчиков нашей сегодняшней секции. А именно между тем, что сказал Александр Сергеевич Запесоцкий, и очень интересными вопросами, связанными с приватизацией, которые подняла Валентина Викторовна Лапаева. Так вот, я хотел бы гармонизировать эту связь.

Я бы хотел обратить внимание на момент, связанный с понятием человека в экономической теории.

Это понятие крайне важно, и в рамках экономических, теоретических парадигм оно отражается по-разному. Отсюда вытекают и разные юридические воплощения экономических положений. И эту разницу я вижу в идеях четырех крупных деятелей в области экономической теории и обществоведения вообще, начиная с Адама Смита и заканчивая Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Человек у Адама Смита — это тот, кто получил название «гомо экономикус». Это односторонний человек, который кроме экономики и своей выгоды ничего не видит. Но, к счастью, каким-то образом это коррелирует и, возможно, гармонизирует с общей выгодой. А может быть, и нет. Здесь человек предстает как автор бизнес-проектов, он что-то производит, что-то пытается продать, и т. д. Это одно понятие о человеке, от которого стали уходить по мере развития экономической теории. Человек стал представляться все более целостным и системным, хотя это не было последовательным движением. В так называемой программной статье Торстейна Веблена, опубликованной в 1898 году под названием «Почему экономика не стала еще эволюционной наукой?», Веблен укорял экономистов за то, что человек экономический не является развивающимся человеком. И в этом смысле экономика отстает от антропологии и других социальных наук. Значит, человек развивающийся — это мечта, которая, собственно говоря, до сих пор остается несбыточной. В трудах Вернадского был заявлен человек космический, в котором все сливалось в одно целое: и космос, и земля, и небо, и все, что между. И наконец, человек Дмитрия Сергеевича Лихачева — это земной реальный человек, который интегрирует в себе все влияния, условия на этой самой земной реальной почве, с учетом совести, традиций, своей и чужой траектории, и т. д. Мне кажется, что современная экономическая теория могла бы воспринять образ такого человека как ядро описания этой современной экономики. Это тем более важно для российской экономики.

Моя позиция состоит в том, что экономическая теория тоже носит национальный характер в смысле привязки к крупным цивилизационным группам стран. Но в России, поскольку она сама является цивилизацией, как многие считают, и я присоединяюсь к этой точке зрения, должна быть самостоятельная национальная экономическая теория, не совпадающая с неоклассической, неоинституциональной и другими теориями. Национальная экономическая теория необходима для национального экономического законодательства и национальной экономики как хозяйства. Я думаю, что это вызов, который сейчас уже обозначился достаточно ясно. В центре этой теории должен стоять человек, так сказать, «хомо росиус», который обладает определенными особенностями по сравнению с человеком европейским. (Я сейчас не говорю о том, куда мы стремимся, хотим ли мы стать похожими на Европу или нет; стать похожими можем стремиться, но важно, из какой точки мы исходим.) У всех нас сейчас есть дело. И в этом смысле представляется, что создание национальной экономической теории, ориентированной на национальный экономический субъект, — это

вызов, который стоит перед экономической теорией. Совсем недавно проходил Московский экономический форум, на котором рассматривалось много вопросов. К сожалению, этот вопрос там затронут не был.

Теперь посмотрим, как это выглядит с точки зрения того процесса, о котором говорилось во втором выступлении, а именно процесса приватизации. Это процесс, который охватывает два вида сущностей: субъекты, то есть социальные субъекты — люди, и объекты, то есть собственность, которая стала результатом приватизации. До приватизации, когда собственность была общенародной, или государственной, она использовалась разными людьми в согласии и системном взаимодействии друг с другом. Рабочий использовал свой станок, не будучи его собственником, но он использовал этот станок в согласии и гармонии с использованием других станков и со всем экономическим процессом. Когда произошла приватизация, случилось то, что я бы назвал гранулированием собственности. Вокруг каждого объекта собственности образовалась некоторая граница, которая привязывалась к какому-то субъекту, и системные связи между многообразными экономическими явлениями образования были нарушены. Мы это знаем, так как разрушилась связь между наукой, производством, образованием и т. д.

И сейчас, мне кажется, задача состоит в переосмыслении юридической науки. Хотя я говорю об этом условно, не являясь юристом, но, по-моему, необходимо сочетание интегрированного субъекта с сохранением его целостности при дифференциации объекта, поскольку объект в современной сложной экономике вовлечен в самые разнообразные взаимодействия с другими объектами, будь то средства производства или собственность на предприятии и т. д. Там происходят сложные процессы и нет гранулирования. Искусственное гранулирование, которое сделала приватизация, привело к снижению целостности и комплексности экономики в целом. Мне кажется, что итоги приватизации, не в том смысле, что кому досталось — это отдельный вопрос, а с научной точки зрения, с точки зрения сочетания экономики, системности и социальной, должны быть пересмотрены.

Г. М. РЕЗНИК: — У меня к Вам вот какой вопрос: согласны ли Вы с тем, что прилагательное «социальный» к предпринимательству применять не совсем корректно? Социальным должно быть государство, а предприниматель должен быть чисто экономическим человеком. Если Вы не согласны, то кратко обоснуйте, пожалуйста, что такое социальный предприниматель в отличие от какого-то несоциального. Понятно, что я не беру во внимание незаконные, преступные виды деятельности.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Вы сформулировали две существующие в обществе точки зрения. Первая: предприниматель является социальным, если производит качественную продукцию по нормальным ценам и платит налоги. И все, точка. Вторая точка зрения: обязанности предпринимателя, которые он должен выполнять,

чтобы быть членом общества, чрезвычайно широки. Они должны охватывать заботу о работниках, территории, участие в благотворительности, выборах в органы власти и т. д. Что из этого мы должны принять? Одна точка зрения — это гранулирование и ограничение предпринимателя. Можно рассмотреть такой пример, как в нашем случае привел Генри Маркович Резник. Он ведущий нашей секции, поэтому сейчас от всего отвлечемся и будем действовать так, как он говорит, до известной степени. Другая точка зрения — системный подход — говорит: да, это ведущий нашей секции, известный юрист, человек, которого знает вся страна, — попробуйте этого не учесть, и вам придется иметь дело с Генри Марковичем. Точно так же происходит системный учет предпринимателя как члена общества, человека, через которого проходит путь из прошлого в будущее, потому что предприниматель является инноватором, привносящим технологии, которые созданы вчера и создаются сегодня, в будущее. Если он этого не сделает, то этого не сделает никто. Таким образом, системный подход к социальному и экономическому в целом требует комплексного рассмотрения человека-предпринимателя.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы сказали про вызов, связанный с созданием национальной экономической теории. Конечно, никто не будет оспаривать наличие национальных экономических интересов или национальных моделей в разных странах. Но есть общеизвестные достижения современной экономической теории, которые изучают наши студенты: кривая спроса, кривая предложения, модели и т. д. Вопрос такой: есть ли необходимость изучать теорию, где рассматриваются все эти модели, то есть, скажем, российская кривая спроса или французская кривая предложения и т. д.? Или надо все достижения оставить и разработать другую концепцию, которая будет считаться национальной экономической теорией, или даже не одной?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Конечно, понятие спроса, как и многие другие понятия, можно применять в любой точке планеты. Но кривая спроса — это глубоко национальное дело. Кривая спроса, где спрос зависит от цены и больше ни от чего, это очень серьезно. Студенты это изучают, потому что проходят весь путь развития теории, а на самом деле современная экономическая теория превзошла неоклассическую, основанную на примитивных спросо-предложенческих крестах, где спрос и предложение зависят от цены. От чего зависит, покупаете ли вы то или иное изделие или нет? От цены? В том числе. А еще от чего? Да много от чего. В России одна позиция потребителя, в Германии другая, в Бангладеш третья. Кто будет оспаривать, что потребители в разных странах ведут себя по-разному? Вряд ли кто.

Так вот, по мере развития экономической теории требуется все более подробный учет поведения производителей, потребителей, посредников и т. д. И, к сожалению, университетским курсом экономики в настоящей экономической науке, а тем более в юридической науке, которая использует этот экономический фунда-

мент, не обойтись. Неоклассическая теория уже неоднократно критиковалась, после нее на первый план стала выдвигаться институциональная теория, где факторами принятия решения являются институциональные, а не просто функциональные выгоды. За ней последовала эволюционная теория, которая говорит о том, что фактором является прошлое — сегодня мы поступаем примерно так, как поступали вчера, и т. д. Экономическая теория не едина. Она находится в развитии.

В. В. ЛАПАЕВА: — Скажите, пожалуйста, что Вы имеете в виду, говоря об интеграции гранулированных предпринимателей, субъектов хозяйствования? Есть, собственно, два пути — авторитарно-тоталитарный и демократический.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Как бороться с этой гранулированностью — сложный вопрос. Человек пытается создать вокруг себя зону безопасности и стремится к гранулированности, пока не понимает, что такая зона должна быть прорвана, должны быть контакты с другими людьми и т. д. Есть фактор, который идет от самого человека, и есть фактор, который идет сверху, от правительства, от господствующего экономического мировоззрения. Значит, надо эту гранулированность превращать в единый комплекс. Может быть, кто-то меня упрекнет в любви к Советскому Союзу, но я не расписываюсь в любви, как и не расписываюсь в ненависти, я говорю о том, что народно-хозяйственный комплекс Советского Союза, создание которого было завершено где-то к 1980-м годам, имел большое значение. Эффективный или нет — это отдельный разговор, но единый комплекс. Создание единого комплекса предпринимателей, потребителей, посредников, пенсионеров и так далее необходимо для развития национальной экономики. Если мы будем работать только на дифференциацию, наша экономика развалится, что мы порой и видим. Интеграция — это тот этап, который мы сейчас должны пройти. Как это сделать? Сверху и снизу — путем изменения, во-первых, экономического мировоззрения; во-вторых, отчасти законодательства. Сейчас создается закон о промышленности. Это важный интегрирующий фактор, который призван нашу раздробленную, разбросанную промышленность собрать в нечто единое, целостное и эффективное.

Л. И. АЛЕКСЕЕВА, доцент кафедры отраслей права СПбГУП: — У меня вопрос по той части приватизации, которая касается земель сельхозназначения. Наши сельхозземли было разрешено приватизировать бывшим колхозникам, но это стоило от 50 до 100 тыс. рублей. Таких денег у обычных труженников не было, поэтому они продавали земли по договорам иностранным компаниям. На этом фоне какую модель развития сельского хозяйства в России Вы можете предложить? И вопрос юристам: каким образом можно прекратить эту незаконную передачу земель иностранным гражданам?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Тут уже говорилось: как предотвратить неэффективное использование земель,

неэффективное использование оборудования, неэффективное использование других ресурсов, лесов и так далее — это все один и тот же вопрос, который связан с расщеплением понятия собственности. Моя позиция: рассматривать понятие собственности как триединство — владение, распоряжение, пользование (у Олсона 11 видов всяких действий), этот комплекс сейчас не выдерживает давления реальной экономики. Он распадается, расщепляется на отдельные составляющие, которыми надо заниматься. Надежды на то, что можно их собрать, сгруппировать и отдать эффективному собственнику, нереальны.

Г. М. РЕЗНИК: — Одна реплика, Георгий Борисович. Нам известно, какой народно-хозяйственный комплекс был сформирован у нас при советской власти. Это на 70 % милитаризованная экономика, в которой человек жил по остаточному принципу. Нам нужно помнить этот урок тоталитарной экономики. Это мое частное мнение. Приглашаю на трибуну профессора Людмилу Федоровну Лебедеву.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, мы много говорили и слышали о значении Международных Лихачевских научных чтений и в плане теоретического осмысления происходящих процессов, и в практическом плане выработки государственной политики — и внешней, и внутренней. Сегодня здесь присутствуют студенты, которым я, честно говоря, очень завидую, поскольку они еще на студенческой скамье познают социально-культурные основы развития общества, а также уважаемые Валерий Леонидович Макаров, регулярно посещающий наши Чтения; Александр Оганович Чубарьян как директор гуманитарного учреждения, совершенно уникального не только в России, но и в мире, основанного на академических институтах. С моей точки зрения, на более высоком централизованном уровне нужно ставить вопрос о том, чтобы социальные культурные основы познания мира были введены в институтах и университетах, причем не только в гуманитарных. К сожалению, я приобщилась к Международным Лихачевским чтениям, уже пройдя определенный путь экономиста, но хочу сказать совершенно искренне, что участие в них дало мне очень много новых импульсов и открыло новые подходы к анализу социально-экономических явлений.

Все это в полной мере относится и к проблемам миграционного движения населения. Почему я решила обратить внимание уважаемой аудитории сегодня именно на этот процесс? В последние десятилетия, хотя и раньше, конечно, тоже, с активизацией движения населения естественно активизируется и научная мысль. Что любопытно, анализируют эти процессы демографы, этнологи, экономисты, сейчас пристальное внимание обращают финансисты, потому что наблюдается большой рост переводов от эмигрантов на родину. Я хотела напомнить о том, что мигрант — это прежде всего носитель культуры. И сегодня по результатам очень многих исследований оказывается, что в тех странах, где иммиграционная политика прово-

дится с учетом социально-культурных различий, она оказывается более эффективной.

Недавно я читала статью с новыми данными ООН: сейчас в мире насчитывается 232 млн мигрантов. Много это или мало? В статье было сказано, что, дескать, это составляет 3,2 % населения. Я уважаю средние показатели, но если их использовать в отрыве от реальных показателей, фрагментами, это иногда приводит к очень серьезным заблуждениям, потому что во многих странах это уже 30 % и даже более. Но самое главное, что в ряде стран, в том числе и европейских, буквально за последние полтора десятилетия изменилось социально-культурное пространство. Это прежде всего Швейцария, Австрия, Финляндия, Бельгия, где в принципе до конца прошлого века оно было более или менее социально и культурно однородным. Это не Америка, страна эмигрантов, которые селились там столетиями. В Швейцарии сейчас насчитывается 28 % населения иностранного происхождения, из них в крупных городах Швейцарии 5–8 % — мусульманского. Здесь уже речь идет и о мудрости принимающей страны, и о мудрости мигрантов. Это важно, потому что первый этап — легальное оформление пребывания, даже трудоустройства — не везде проходит очень гладко, но тем не менее мигранты адаптируются. А далее наступает самый сложный этап, который, может быть, займет десятилетия. И мы все, по крайней мере по новостям, в последние десятилетия были свидетелями разных конфликтов.

Таким образом, миграция — это колоссальный ресурс, и демографический, и экономический, и политический — какой угодно, это новые возможности для человека, государств, территорий. Но это и новые огромные риски. У меня, безусловно, нет ответов на все вопросы, которые связаны с сегодняшними миграционными проблемами. Помимо изменения социально-культурного пространства ряда стран в последние десятилетия и связанных с этим проблем, хотелось бы отметить еще две тенденции, которые связаны скорее с будущим. Первая — так называемая возвратная миграция. Это очень актуально, кстати, и для России, и для многих стран постсоветского пространства. Буквально в последние 10–15 лет Китай, Индия, Южная Корея проводят столь гибкую и продуманную политику, что речь идет уже о массовой реэмиграции на родину. Я не буду сейчас останавливаться на том, какой это экономически, демографически важный ресурс, но это очень важно, в том числе и для России. Причем речь идет именно об элите носителей культуры, о наиболее высококвалифицированных кадрах в разных областях знания.

Вторая тенденция тоже связана с будущим и некоторым, может быть, снижением в дальнейшем значения фактора, который сейчас, конечно, очень важен, — это стремление к лучшей жизни, поиск лучшего трудоустройства и т. д. С развитием информационно-коммуникационных технологий в глобальном мире уже сейчас формируются потоки кадров, которым, в общем-то, неважно, где работать. На передвижение населения уже влияют экологический, культурный, общественный, климатический факторы. С развитием

виртуальной занятости необходимость передвижения куда-то, где ты можешь найти работу, снижается для большей части молодежи. И здесь очень важен правовой аспект регулирования, защиты работника, занятого в любой точке мира виртуально.

А. И. ШЛАФМАН, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП: — Исследуя множество процессов по взаимодействию предприятий стран, мы замечаем, что чем выше концентрация капитала в отдельных отраслях или точках мира, тем больше миграция населения в эти точки. То есть найти работу в месте, где растет капитал и объединяются предприятия, проще, потому что там развивается бизнес, растет активность. Допустим, когда в России в 1990-х годах рушилась экономика, Америка была просто венцом желаний, куда хотели ехать, и поэтому росла миграция. Концентрация капитала в это время в Америке была высока. Сейчас мы наблюдаем обратную ситуацию. И мне кажется, этот факт очевиден: в какой стране происходит концентрация капитала, туда и мигрируют. Я не прав?

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Вы знаете, это классика, которую мы изучали по учебникам. На самом деле сейчас процессы гораздо более многообразны, и они связаны с глобализацией, ТНК, МНК и т. д. И совсем не обязательно ехать в Америку. Кстати, то, что все едут в Америку, — иллюзия. На самом деле 72 млн мигрантов насчитывается в Европе, 71 млн — в Азии и 54 млн — в Америке. Причем процесс устойчивый. Если в западноевропейских странах социокультурное пространство меняется, то в Америке 12,9 % населения иностранного происхождения. Пик был 100 лет назад — 15 %. И население это весьма устойчивое. Там основные изменения связаны с тем, что идет лавина из Латинской Америки, из Мексики. То есть сейчас фактор концентрации капитала перестает быть решающим, и связано это как раз с глобальными производственными процессами, но это уже другой разговор.

Г. М. РЕЗНИК: — Только одна фраза: если рассмотреть очень короткий период существования Соединенных Штатов Америки, 200 с небольшим лет, окажется, что все американцы — иностранного происхождения. Слово предоставляется профессору Евгению Федоровичу Чеберко.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов за Лихачевские чтения. Это действительно грандиозное событие в научной жизни, и когда слушаешь выступления на пленарном заседании, предварительно читаешь тезисы, то испытываешь небольшое потрясение. Потрясение это заканчивается тем, что появляются какие-то интересные мысли и т. д. Я хотел бы отметить выступление, которое произошло на меня, и не только на меня, наибольшее впечатление. Это выступление Георгия Борисовича Клейнера, к которому я хотел бы дать свои комментарии.

В частности, я хотел бы остановиться на тезисе о детерминизме. Было сказано, в общем-то, что

экономический детерминизм исчез, а культурологический не появился. Надо искать какую-то другую, третью ситуацию для решения этого вопроса. Я обратил внимание, что во всех выступлениях специалисты и не специалисты стараются дать свое определение культуры, не такое уж отличающееся от других, но в чем-то индивидуализированное, так скажем. И в этом отношении профессор Клейнер пошел на такой интересный, хотя и не оригинальный вариант: он, в общем-то, заручился поддержкой столь авторитетного специалиста в области культурологии, как Александр Сергеевич Запесоцкий. И поступил он совершенно правильно. Мне вспомнился известный случай из серии анекдотов. В свое время, когда конструкторы, работавшие с Королевым, конструировали луноход, возник спор: Луна имеет твердую поверхность или покрыта толстым слоем пыли? От этого зависела конструкция машины. Долго спорили и ни к чему не пришли. Королев слушал-слушал — расходятся мнения 50 на 50. В конце концов, подошел к доске и написал: «Луна твердая», и подписал: «Королев». В нашем случае, если принять определение культуры, которое дает Александр Сергеевич, то следующий шаг должен быть сделан в сторону соотношения культуры и экономики как таковой.

И здесь возникает вопрос: действительно ли отсутствует детерминизм, то есть определение с чьей-то стороны первичного и вторичного? Спор этот, конечно, из серии о курице и яйце — что первично, но здесь возникает вот такая проблема. Когда были названы имена четырех серьезных специалистов-классиков, я имею в виду Смита, Веблена, Вернадского и Лихачева, то у меня возник вопрос: «По какому принципу все-таки шло это распределение?». Потому что у первых двух ученых связь культуры и экономики можно отследить, у третьего — в меньшей степени, а с четвертым, речь идет о Лихачеве, возникает достаточно серьезный вопрос: «Можно ли говорить о связи его идей с экономикой?». Тем более если подходить чисто формально. Я в свое время специально знакомился с трудами Лихачева с целью найти какие-нибудь экономические мысли. Он, в общем-то, практически ничего по этому поводу не высказывает. И какой смысл здесь подходить с этой точки зрения?

Есть давняя традиция великих мыслителей говорить относительно будущего. В этом ряду я бы начал не со Смита, а с создателей теории утопического социализма (прежде всего имеется в виду утопия Т. Кампанеллы «Город Солнца»), которые уже сталкивались с прозвучавшей здесь проблемой собственности. Лучше такой провокационной темы, как собственность, в такой аудитории и придумать нельзя, но почему-то не зацепились за нее. Была высказана мысль (возможно, я ее не очень четко воспринял), что при социализме не было субъекта собственности и, может быть, даже собственности как таковой. Это совершенно непонятный тезис, потому что собственность здесь можно рассматривать как триединство, но если подходить экономически — это прежде всего присвоение в какой-то общественной социально-экономической форме. Если есть присвоение, то есть отношение к собственности, есть

собственник. Не всегда его можно обнаружить, но это другой разговор.

Почему я про отношения собственности вспомнил? Потому что создатели утопического социализма уже столкнулись с этой проблемой. Собственники все равны. Где же взять мотивацию, как заставить человека работать, если он такой же собственник, как и другой? Работает хорошо, лучше или не работает вовсе — все равно получает столько же. Эта проблема стала головной болью всех дальнейших создателей здания социализма — сначала утопического, потом научного. Маркс к этому подошел совершенно элементарно, гениально, я бы даже сказал. Он проблему не решил, но он ее снял своим знаменитым тезисом: «Труд станет первой жизненной потребностью всех членов общества...» Все. Поставив труд на уровень, можно сказать, физиологических потребностей, мы решим проблему. Утром встаешь и думаешь прежде всего о том, где бы поработать побольше.

Г. М. РЕЗНИК: — Маркс же опровергал утопии.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Есть ли будущее у такого общества? Я думаю, да. Академик Абалкин говорил, что социализм — это не теория, это тенденция развития будущего. И в этом отношении с ним нельзя не согласиться. И поэтому здесь, когда речь идет о Лихачеве, то мне понятно, в каком направлении движется идея, очень богатая и очень интересная сама по себе. Но профессор Клейнер сам пишет: «Социальный человек — это не сегодняшний день».

Г. М. РЕЗНИК: — Сама идея блестящая. Говорили же, что Маркс утопистов опроверг, собственно говоря, поставил все на научные рельсы, а в итоге получилась чрезвычайно интересная формула. Вместо этих мечтаний родилась абсолютная утопия во всем, потому что Маркс — это очень мощный мыслитель, справедливости при жизни хотел.

Е. Б. ЧЕБЕРКО: — Значит, здесь мы с этими идеями сталкивались уже. В частности: наверное, всем знакома фамилия Янжул, это дореволюционный российский академик, который в свое время написал книгу «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)». В ней автор утверждал, что жизнеспособность народа зависит от его совести. То есть в данном случае есть ряд мыслителей, которые сюда встраиваются лучше, чем названные, но автору виднее.

В общем, из тезисов профессора Клейнера я сделал вывод, что детерминизм присутствует и у него. В частности, в его мысли о том, что в тот период, когда подойдут к идеям, уже реализованным Лихачевым, совесть будет фактором, определяющим развитие, а культура будет определять экономику. В этом сомнений, я думаю, нет. Но это отдаленное историческое будущее. А что касается сегодняшнего дня, то наблюдается явная тенденция атомизации собственности, то есть все больше назревает усиление коллективистских начал. Это мировая тенденция, которая явно отслеживается. И в этом отношении, если учесть, что в основе

российских институтов лежат все-таки коллективистские начала, никуда от этого не деться. Я думаю, что будущее у нас есть.

Г. М. РЕЗНИК: — Я предоставляю слово профессору Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Я хочу поговорить о диалоге права и религии. Это развивающийся процесс, который каждый день приносит что-то новое, особенно в нашей стране, где последние два десятилетия происходят очень сложные трансформации. Диалог этот — явление давнее, но не вечное. Был очень длительный этап в истории человечества, когда религии не с кем было вести диалог, потому что она была господствующей силой, которая монополизировала все стороны общественной жизни. По словам знаменитого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, «она была всем и во всем». Этот период, когда она была всем и во всем, закончился с эпохой Возрождения, когда начался процесс секуляризации, который, я думаю, продолжается до сегодняшнего дня. Хотя в последние 10–15 лет сначала на Западе, а потом у нас появился контртермин, стали говорить о десекуляризации и постсекулярном обществе. Тем не менее, я считаю, что процесс секуляризации не исчез и не исчезнет, с ним начался диалог.

Этот диалог привел к массе разных соотношений между религией, правом и государством. Они очень разнообразны, но условно их можно поделить на три категории. Государственная религия — это сохранение старой, десекулярной системы; система конкордата, то есть соглашения между какими-то конфессиями и государством; и наконец, система отделения государства, а следовательно и права, от религии. Чем объяснить это разнообразие систем? Конечно, национально-историческими особенностями. Что имела Россия в историческом плане при соотношении права и религии? Две системы — систему государственной религии до революции и систему воинствующего государственного атеизма после нее, при советской власти. После падения советской власти этот вопрос не мог не быть поставлен по-новому.

И вот что происходит в этом плане в нашей стране и жизни. У нас есть два очень важных документа, два закона о религии. Первый закон о религиозных организациях был принят в 1990 году, причем еще в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, но действовал до 1997 года, уже в новом государстве — современной Российской Федерации. Каковы отличительные признаки этого закона? Я бы выделил три важные черты. Первая: религиозные организации ставятся как бы в один ряд с атеистическими организациями, и речь идет об отделении от государства как религиозных, так и атеистических организаций. Это совершенно резонно после официальной атеистической системы. Вторая: четко проведен принцип равенства всех религиозных движений. Абсолютно всех. И очень примечательна третья черта, которую мне хотелось бы выделить: в законе прямо говорится, что государство нейтрально по отношению

к любой религии и любому мировоззрению. Закон ранний, еще советский, доперестроечный, который продолжал действовать в Российской Федерации, поскольку полностью соответствовал принципам Конституции 1993 года и международным пактам, соглашениям и конвенциям по правам человека.

Закон 1997 года имеет несколько иной характер, и я хотел бы в нем выделить три основные черты. Первая: об атеизме, о неверии ничего не сказано, хотя закон называется «О свободе совести». Речь идет только о религиозных убеждениях. Вторая важная черта: в преамбуле к этому закону выделяются три категории религиозных движений и организаций. Прежде всего православие, как религия, внесшая особый вклад в развитие российской истории и культуры. Затем перечень из четырех звеньев религии, которые являются неотъемлемыми составными частями российской истории. И невольно возникает вопрос: наверное, существуют религии, которые не являются неотъемлемыми чертами российской истории? Значит, в преамбуле уже содержится намек на неравноправие. В тексте закона он проведен четко и последовательно, потому что все религиозные движения разделены на религиозные организации и группы, четко фиксированные по организационному принципу. Религиозные организации обладают большими привилегиями. Вернее сказать: религиозные группы не могут позволить себе целый ряд акций, которые считаются совершенно естественными для каждого религиозного и нерелигиозного движения. Например, они не могут издавать работы, которые пропагандируют их убеждения, и пр. Приводится довольно длинный перечень. Значит, принцип неравноправия не провозглашен, но, по существу, проведен в законе 1997 года. Ну и в связи с этим третья черта: так понравившееся мне положение о нейтральности государства исчезло.

Надо сказать, что в марте этого года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу предложения по изменению закона 1997 года, что свидетельствует о признании его несовершенства. Но речь идет о частичном смягчении неравноправия, установленного этим законом. Я думаю, что закон 1997 года стал заметным и принципиальным поворотом в конфессиональной политике нашего государства. Вместо нейтральности в нем явно прослеживается покровительство государства религиозным движениям, причем движениям определенного рода, которые вошли в первые две категории, упомянутые в преамбуле закона. Это чувствуется во всем, во всей нашей жизни. Взять, к примеру, преподавание «Основ религиозных культур и светской этики» в школах или появление священников в армии, на флоте, в системе Федеральной службы исполнения наказаний.

Возьмите наши гимн и герб. Вспомните гимн: «Россия — священная наша держава... хранимая Богом родная земля». Может быть, это и замечательно, но ведь в Конституции написано, что наша родная страна — светское государство. Зачем же «священная держава», зачем же «хранимая Богом»? Возьмите герб России, герб Москвы. Они тоже проникнуты религиозно-монархическими реминисценциями, от этого ни-

куда не денешься. Дело зашло настолько далеко, что сам принцип светского государства, а ведь ему сопутствуют еще два очень важных принципа: принцип равенства всех религиозных и антирелигиозных движений как мировоззрений и принцип свободы совести, ставится под сомнения не только в нашей практике, но и в нашей литературе и журналистике.

Если позволите, я закончу свое выступление примерами, которые мне показались особенно красноречивыми в плане призывов такого рода. Есть такой журналист, который, я думаю, всем известен, — Михаил Леонтьев. Знаменит и замечен он своей преувеличенной поддержкой не официальной, но официозной позиции.

Г. М. РЕЗНИК: — Это не журналистика, это иначе называется уже.

О. В. МАРТЫШИН: — По-моему, его официальный статус именно таков, но сейчас его деятельность довольно широка: он что-то издает и занимает какие-то должности. Вот что Михаил Леонтьев сказал в апреле 2007 года: «Может быть, концепция светского демократического государства недостаточна с точки зрения политических задач. Веротерпимость и равенство религий — разные вещи. Сейчас тактически нецелесообразно закреплять за РПЦ статус государственной церкви, но двигаться к этому целесообразно». Можно было бы сказать про Леонтьева, перефразируя русскую поговорку: «Что у умного на уме, то у Леонтьева на языке». Правда? Беда в том, что он не одинок. Но Леонтьев — журналист, что с него взять? Он имеет право на свободу совести и изъяснения любой своей точки зрения.

Еще один пример. Дипломированный юрист — доктор юридических наук И. В. Понкин написал несколько книг по этой проблеме: «Современное светское государство», «Государство и религия в России» и др. Я вам приведу его высказывание о свободе совести применительно к атеизму. Вот что пишет доктор юридических наук Понкин: «Если рассматривать право на атеистические убеждения как право не исповедовать никакой религии, то таковое закреплено в статье 28 Конституции Российской Федерации. Если же атеизм рассматривается как возможность беспрепятственной и неограниченной критики религии, религиозных объединений и верующих, то государство не только вправе оказывать такой форме атеизма какую-либо поддержку (что понятно. — *О. М.*) <...> но и должно всемерно ограничивать реализацию права на атеистические убеждения в таком его понимании в силе закрепленного ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации запрета на пропаганду или агитацию...»

Г. М. РЕЗНИК: — Нельзя никого оскорблять. В таком случае при критике религии, естественно, нельзя оскорблять представителей этих конфессий. Приглашаю к микрофону нашего гостя из Казахстана, юриста Николая Николаевича Турецкого.

Н. Н. ТУРЕЦКИЙ: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов за приглашение при-

ехать из Казахстана, чтобы принять участие в таком важном и интересном форуме, как Международные Лихачевские научные чтения. Казахстан по территории занимает 9-е место в мире, ее 88 % находятся в Азии, 12 % — в Европе. И у спортсменов всегда возникает проблема, в каких соревнованиях участвовать — в чемпионате Европы или чемпионате Азии. Футболисты решили участвовать в европейском чемпионате, а остальные в основном участвуют в азиатских играх. В 1994 году президент Назарбаев объявил, что необходимо создать Евразийский экономический союз, для того чтобы интегрировать различные вопросы. Недавно в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова он повторно озвучил свою идею и раскрыл несколько позиций, когда этот Союз будет подписан и какие вопросы будут там решаться. Предположительно будет создан надгосударственный орган управления, выполняющий небольшие функции. Если говорить о финансовых вопросах, ими в основном будет заниматься Алматы, вопросы культуры будет решать Минск, политические и экономические вопросы — Москва.

Я посмотрел, что же мне как юристу интересно в правовой культуре в контексте диалога культур Казахстана, чтобы озвучить на Лихачевских чтениях. И обратил внимание на два вопроса. Первый: Ассамблея народа Казахстана — это консультативно-совещательный орган, введенный в действие в 2007 году на конституционном уровне. Девять депутатов в Парламент избираются не по партийным спискам, а на Ассамблее народа Казахстана от различных этносов. Это является своеобразной Казахстанской организацией объединенных наций, где участвуют практически все этносы. Цель этой организации — межэтническое согласие в Республике Казахстан. Эти депутаты выполняют важнейшую функцию с точки зрения межэтнического согласия. Если какой-то конфликт происходит, то именно эти депутаты выезжают на места, чтобы его урегулировать.

И второй вопрос, который в Казахстане наиболее интересный и актуальный, чего нет ни в одной стране мира, — это Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Таких съездов уже прошло четыре, и каждый является большим событием для Астаны, когда приезжают представители практически всех конфессий мира, и столица в эти дни превращается в совершенно уникальный город, где ходят в различных религиозных одеждах. Мы этому удивляемся как простые жители и вместе с тем гордимся, что в Астане, в Казахстане существуют две такие важные миссии, как Ассамблея народа Казахстана и Съезд лидеров мировых и традиционных религий. В заключение хотел бы отметить, что в этом году в Казахстане идет подготовка концепции культурной политики Республики Казахстан. Ее принятие будет объявлено указом президента, и вопросы, связанные с культурой, будут развиваться согласно этому указу.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Сергею Анатольевичу Антипину.

С. А. АНТИПИН: — Я хочу поговорить об истоках китайского успеха. Нужно отметить, что, как экономист, в свое время я опубликовал статью в московском журнале «Конъюнктура оптовых рынков» и в «Китайском финансовом обозрении» (Пекин). Пришлось немного подстроиться под тематику конференции и говорить о культуре китайского народа, хотя, видимо, мной была поставлена амбициозная задача. Мы сегодня много говорили о лидере мировой экономики — Соединенных Штатах Америки. Но упустили из внимания, что в «Financial Times» на днях прошла информация, что Китай стал лидером уже в 2014 году. Хотя совсем недавно американцы утверждали, что лидерство Китая планируется где-то в 2020-е годы, когда он превзойдет их по объему производства. Тем не менее Китай выделился уже сейчас. Экономические и социальные успехи этой страны связаны с оригинальной экономической моделью, которая не повторяет другие модели и, безусловно, заслуживает внимания. И мы должны пристально ее рассмотреть.

Формирование китайской экономической модели связано с особенностями культуры китайцев, которая способствовала достижению такого выдающегося результата. Продолжая мысль профессора Клейнера, можно дать такой термин «china sapiens» — подобно «russia sapiens». Китайцы — особые люди, которые действительно сейчас продвигаются вперед, и делают это, надо сказать, мирным путем. В известном смысле они используют нашу страну в качестве громоотвода и заметно стремятся к достижению своего результата. Китайцы к войне относятся негативно, и к военным у них специфическое отношение. Китайская народная мудрость гласит: «Из хорошего железа не делают гвоздей» (то есть умный не пойдет служить солдатом). Тем не менее эта нация в последнее время преуспевает в рыночной экономике, особенно в глобальной. Отставание сократилось за счет доступа к мировым достижениям науки и техники.

Г. М. РЕЗНИК: — Но там 700 млн нищих, не забывайте.

С. А. АНТИПИН: — Мы не забываем, но было еще больше до недавнего времени.

Г. М. РЕЗНИК: — Колоссальный прогресс.

С. А. АНТИПИН: — В свое время, когда я изучал язык в воздушно-десантном училище, нашим ребятам предлагали переходить на сторону китайцев за два стакана риса в неделю. Согласитесь, если они сейчас экспортируют мясо, и мы можем его приобретать в наших магазинах, то это, бесспорно, прогресс.

Г. М. РЕЗНИК: — Мы в 1930-х годах экспортировали зерно, а в стране был голодомор. Просто-напросто крестьяне погибали с голоду. Это был искусственный голод, потому что зерно крестьянам не давали, но его отправляли на экспорт и получали прибыль.

С. А. АНТИПИН: — Я много раз бывал в Китае, посещал Пекин, Шэньчжэнь, Хэйхэ, Гонконг и так далее и, в общем-то, не наблюдал особенного голода. Более того, около года назад последний раз я был в Шидзячуане, крупном железнодорожном центре Китая. Так вот уровень образования и стремление к знаниям у студентов потрясающие. Они очень вдохновлены успехами своей страны, хотя и учатся во всем мире. Их университеты уже становятся первыми в мире. Во всяком случае, университет Синьхуа в настоящее время входит в первую пятерку. Уровень вырос значительно, и с этим нельзя не считаться.

Нужно сказать, что раз они рыночные люди, у них специфическое отношение к деньгам, да и вообще к жизни. Что касается религии, то в известной религиозной притче говорится, что вся жизнь — это кредит. На заре жизни китайцы берут кредит в «небесной сокровищнице», а потом, когда кредит выплачен, они умирают. Это свидетельствует о том, что они хорошо разбираются в кредитах и стараются избегать их в своей жизни. С деньгами тоже интересно. Первые бумажные деньги появились в Китае. Китайцы использовали их при похоронах. Реальные деньги — золотые, серебряные — не применяли, а в могилу родственникам клали бумажные деньги, чтобы они в другой жизни могли воспользоваться ими.

Деньги для них — это, наверное, основное понятие. Нельзя сказать, что они материалисты. Тем не менее деньги — это показатель успеха человека в жизни. Деньгами они одаривают своих родственников по праздникам, детей, показывая значение денег. Китайцы ценят деньги и умеют работать, работают очень много, практически день и ночь. Тут уважаемый профессор говорил об идее Маркса, что при коммунизме все будут работать, — в этом смысле у китайцев коммунизм. Они все работают очень много и празднуют только Новый год, наверное. Бизнесмены там очень серьезные.

Г. М. РЕЗНИК: — Сергей Анатольевич, Вы хорошо рассказали о Китае. Сформулируйте, пожалуйста, мораль: что нам для нашей культуры, для людей, которые живут не в Китае, нужно взять на заметку?

С. А. АНТИПИН: — Надо уметь торговаться. Надеюсь, наши долго торговались последнее время, чтобы подписать договор по поставке российского газа в Китай. Конечно, для нас это спасение, и Европа, думаю, вздрогнет немного. Хотя ничего плохого ни Европе, ни США я не хочу, там много хороших людей. Я всем советую, особенно студентам, обязательно посетить Китай и посмотреть, что там происходит.

Е. А. КУКЛИНА, *заведующая кафедрой макроэкономического регулирования Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент:* — Уважаемый коллега, скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете термин «глобализация» (введенный социологом Робертсоном) в контексте того, что называет-

ся «китаизация марксизма», и те модели, которые выбрал Китай для продвижения своей экономики?

С. А. АНТИПИН: — В общем-то, конечно, можно положительно оценить глобализацию. Это естественный процесс, никуда от этого не уйти. Другое дело — формы и правовая основа глобализации. Мы видим, что не все в порядке в этом плане в настоящее время, и Европа нам показывает в данном случае плохой пример, который не стоило бы брать на вооружение.

Г. М. РЕЗНИК: — Имеется в виду опять же «бородатая женщина».

Кирилл ЕРМАКОВ, *II курс, юридический факультет:* — Вы очень много изучали китайцев, китайскую культуру. Как Вы думаете, будет ли у них культурная экспансия на другие государства, и в частности на Россию?

С. А. АНТИПИН: — Сложный вопрос. Экспансия уже, видимо, идет. Нам нужно думать не о той войне, которая будет вестись под барабанный бой и горы трупов, а о стратагемах, о которых, наверное, знают многие. Китайцы считают так: нужно сидеть на берегу и ждать, пока мимо тебя проплывет труп твоего врага. То есть открытого столкновения не будет, но они уже занимают наш Дальний Восток, как всем известно. А в Хабаровске китайцы уже проникли во многие органы власти. Что будет, если там проведут какой-нибудь референдум? Вот об этом стоит подумать.

Михаил ХРУСТАЛЕВ, *IV курс, юридический факультет:* — Как Вы считаете, содружество с нашими китайскими партнерами носит искренний характер или же китайцы преследуют далеко идущие цели? Обращаюсь к Вам как к знатоку Китая, уже неоднократно там побывавшему.

С. А. АНТИПИН: — Это вообще сильно сказано. Я благодарен студентам за вопросы: в первый раз я поехал в Китай с двумя своими студентами, воспитанниками, и поэтому всегда с удовольствием работаю с этой аудиторией. Надо сказать, что с китайцами, конечно, нужно сотрудничать, вести переговоры. Они договороспособны, хотя переговоры проходят очень сложно, потому что они всегда торгуются. Вроде бьем по рукам, а они передумывают, и опять приходится возвращаться к одному и тому же делу. Они живут этим, понимаете, это их жизнь, и поэтому, конечно, договариваться нужно. Нам некуда деваться. У них такое количество населения, что они сейчас могут выставить армию в 2 млн или больше человек. И что, косить их лазером или еще что-то подобное делать? Это очень сложный момент.

А. С. ГРУЗИНОВ, *доцент кафедры государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики:* — Скажите, пожалуйста, каковы, на Ваш взгляд, позиции по целесообразности внедрения

в России тех экономических моделей, которые формируют специальные экономические зоны в Китае? Он их использует уже больше 20 лет, причем в разных зонах.

С. А. АНТИПИН: — Совершенно верно. Учитываются особенности каждой экономической зоны. У нас в различных свободных экономических зонах, в регионах это тоже существует. Но эти модели не всегда дают желаемый результат. У китайцев это действует просто великолепно. Например, Шэньчжэнь показывает выдающийся результат. Когда я приехал туда, то был потрясен. До этого я был в Пекине, но Шэньчжэнь по сравнению со столицей — это совершенно современный город. Правда, там поселили только людей с высшим образованием и моложе 30 лет. Создали, как говорится, потемкинскую деревню в известном смысле. Но вряд ли китайцы смогут подтянуть весь остальной мир к этому.

Г. М. РЕЗНИК: — Я предоставляю слово доценту Виктору Васильевичу Зябрикову.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Уважаемые дамы и господа, я хотел бы поговорить о единой типологии деловой культуры. Прежде всего дам определение, что такое культура, обращая внимание только на одно словосочетание — негенетическая память коллектива. Я считаю, что это словосочетание очень ярко иллюстрирует данное понятие. Почему теперь мы можем говорить о единой типологии культуры? Потому что формально существуют три разных типа культуры. Организационная культура — это культура в рамках отдельной организации, отдельного юридического лица, корпоративная культура — это культура корпоративного центра, крупных хозяйственных объединений и, наконец, национальная деловая культура — это культура в масштабах страны. Так вот я попытаюсь предложить типологию, которая будет состоять из четырех типов культуры и будет общей для разных видов культуры. На чем основана типология? Существует так называемая модель культуры Холла, которая включает три базовых элемента: совместные ценности — это ядро культуры; стереотипы поведения — это внешняя оболочка культуры и, наконец, на поверхности мы видим артефакты и этикет.

Я добавил к этой модели типологию Шейна, и в результате, как мне кажется, будет правильным изучать не три, а четыре слоя. Первый — это менталитет, основные подразумеваемые ценности; совместные ценности — это то, что человек может выразить, например ответить в анкете так или иначе; паттерны, стереотипы поведения и внешняя оболочка — это артефакты и символы. Но мы обязаны различать культуру труда и культуру управления. В России зачастую это просто совершенно разные вещи. Одно дело — культура рабочих, и совсем другое — культура управленцев. Но в основе лежит взаимосвязь власти и культуры. Генри Минцберг говорил, что организационная культура есть зеркальное отражение власти. То есть власть как бы навязывает некое влияние, а культура показывает, как это влияние отражается на коллективе. Существуют

иные типы власти сводятся к тому, что она может быть основана на вознаграждении и на насилии и страхе. Такой тип мотивации называется «кнул и пряник». Это, по сути, все-таки экономическое управление, не совсем менеджмент.

Харизма и институт подражательства — это основной фактор власти для России. Власть называется эталонной, или референтной. В России — это культура лидера. Власть может быть традиционной, основанной на условных рефлексках. Она может быть легитимной, основанной на «правилах уличного движения», то есть на законных инструкциях. Это концепция, которую Вебер считал идеальной. И, наконец, еще один источник власти — это экспертная власть, или «власть садовника», власть консультанта, по сути. Я хотел бы сказать, что различных способов управления всего лишь четыре: экономический, социокультурный, который используется в России, политический и технологический.

Сама типология строится следующим образом. Бизнес начинается с возникновения бизнес-идеи. В рамках бизнес-идеи основатель ищет партнеров. Отношения равноправия предполагаются культурой профессионалов, или адхократией. Когда фирма регистрируется, мы переходим к культуре лидера, который управляет процессом. Это стадия «детства» компании. Следующая стадия — стадия «юности», когда идет масштабирование, по сути, тиражирование бизнеса. Здесь очень хорош политический способ управления на основе бюрократии. И, наконец, когда фирма достигает своего расцвета, в стадии «зрелости», мы имеем дело с предпринимательской культурой, и здесь применяется экономическое управление. Таким образом, эти четыре типа исчерпывают все возможные классификации культуры. Я полагаю, что все остальное — это уже детализация.

Развитие идет, как я сказал, по этим схемам, через кризисы. Я хотел бы выделить особую роль адхократии, или культуры профессионалов. Здесь происходит бифуркация, раздвоение траектории. Есть несколько вариантов: можно погибнуть, можно попытаться пройти этот круг второй раз, а если эта галактика рассыпается, следует выходить на следующий виток спирали, то есть концепция развития фирмы из культурной теории следует как восходящая спираль. Разные авторы по-разному трактуют последовательность стадий, но суть одна. Видно, что закономерность у всех примерно такая. Например, наиболее известные авторы Камерон и Куинн говорят, что сначала адхократия, потом клан, затем иерархия и, наконец, рынок. Это наглядно показано в классической схеме жизненного цикла организаций, я думаю, что это наиболее ясная схема.

Хотел бы обратить внимание на противоречивость, антагонизмы некоторых типов культуры. Существует четкий антагонизм между культурой профессионалов (кстати, если мы хотим строить инновационное общество, то нам надо делать ставку на профессионалов) и культурой бюрократов. В России провозглашается инновационный путь развития страны, а на самом деле, по факту, укрепляется бюрократия. Совместное движение невозможно в принципе, потому что

профессионалы презирают бюрократов, которые отвечают взаимностью. Точно так же есть два противоположных типа культуры. Есть культура, основанная на патриотизме и верности своему лидеру, это российский тип культуры, когда вы готовы работать на фирме в любом качестве, среди молодежи есть такие люди. И этой культуре противостоит культура космополитов. Наши предприниматели-олигархи говорят: «Где прибыль, там и родина», им важно зарабатывать деньги, страна роли не играет. Итак, есть два антагонистических типа культуры. И разные авторы дают разные названия одним и тем же типам культуры. То есть это классические схемы: названия разные, но суть одна и та же.

И последнее, о чем я хочу сказать: аналогичная картина наблюдается и на макроуровне. Я думаю, что это может вызвать дискуссию. Дело в том, что если провести классификацию по тем же координатам на макроуровне в масштабах страны и поделить все культуры на культуры индивидуализма и культуры коллективизма — по одной координате, по второй, по ординате, — на культуры, где решение принимается на основе рациональных соображений, и эмоциональные культуры, то мы увидим Россию в первом квадрате восточного типа. То есть в России культура такая же, как в Греции, и, я думаю, религиозные мотивы играют определенную роль. Так же как в Китае. На самом деле в России азиатская модель ведения бизнеса и принятия управленческих решений. Меня это не радует, возможно, это грустная констатация, но она основана на фактах. В то же время третья координата, которая здесь использована, дается по центру, — это координата, учитывающая неоднородность культур. Культура России неоднородна, она сдвинута к центру, и точно так же культура США неоднородна.

В заключение хотелось бы отметить, что если мы сегодня пытаемся охарактеризовать русскую национальную деловую культуру, то мы должны признать, что она имеет азиатский характер. Заимствование чего-либо из США, что активно происходило в 1990-е годы, противопоставлено русской культуре. И не зря русская культура отторгает это, у нее выработан своего рода иммунитет. Американизмы типа аутсорсинга, бенчмаркинга и всего, что заканчивается на «инг», у нас зачастую не приживаются. Я думаю, что сегодня надо использовать, в частности, японский опыт, для России он был бы органичен. Интересно, что Япония в свое время это доказала. Японское чудо во многом было сделано на советских успехах. Заимствовали не только изобретения советских авторов, но и методы стимулирования персонала и целую часть менеджмента. Поэтому вывод такой: необходимо использовать опыт этих стран. Опыт Китая для нас тоже крайне важен. Хотя можно сказать, что у Китая вообще не может быть союзников, потому что это срединная империя, и она настолько выше всех прочих, что может иметь только попутчиков.

Г. М. РЕЗНИК: — Виктор Васильевич, у Вас великолепная дисциплина мышления. Но у меня к Вам есть вопросы. Вы сказали, что для нас абсолютно неприемлема американская модель. Вы имеете в виду

отторжение культуры власти, бюрократической культуры, или Вы так характеризуете реальную культуру нашего предпринимательства? И еще: не кажется ли Вам, что то, что обеспечило, как Вы сказали, японское чудо, сейчас по меньшей мере выдыхается? В общем-то, экономика Японии стала буксовать. Может быть, все-таки здесь какие-то временные факторы включить, что на каком-то этапе, наверное, та или иная модель целесообразнее? Но нужно внимательно отслеживать ток времени, и в таком случае одна модель должна смениться другой моделью.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Сначала про Японию. Секреты японского чуда, на мой взгляд, определяются американской оккупацией Японии. Все было очень просто. То есть японцам в какой-то степени повезло, что они были оккупированы американцами. И то, что принудительно внедрялось, обошлось малой кровью для Японии. Что касается первого вопроса, то любое общественное явление имеет политическую, экономическую, социокультурную, технологическую составляющую. В связи с этим я уверен в том, что Россия будет задыхаться без американских технологий, потому что они носят глобальный характер. И то, что сейчас происходит, на самом деле кошмар для страны, потому что Россия тщательно впитывала в себя американские передовые технологии.

И еще один момент: я считаю, что экономические законы во многом универсальны, то есть тоже носят глобалистский характер, а вот два других элемента — социокультурный и политический, должны обладать определенным своеобразием. В этих аспектах подстраиваться ни под кого не нужно, а надо обращаться к собственным истокам. И в частности, в русской модели бизнеса, менеджмента давно назрела такая тематика, но она очень слабо развита. Я думаю, что необходимо гармоничное сочетание. Здесь уже упоминался термин «глокализация», который я воспроизвожу в таком контексте. А что касается перспектив развития, то можно вспомнить Дмитрия Сергеевича Лихачева, который считал, что, во-первых, Россия — это Европа, а во-вторых, она возникла по вертикальной оси «из варяг в греки», то есть под скандинавским и болгаро-византийским влиянием Север-Юг. Если бы я был президентом...

Г. М. РЕЗНИК: — «Если б я был директором...» — такая рубрика была в «Литературной газете».

В. В. ЗЯБРИКОВ: — ...я бы ввел Россию в Скандинавию, то есть шведская модель социализма — это то, что нужно России. Можно изучить общество, которое создала, например, Дания, или посмотреть норвежский опыт использования нефтедоходов — все это подходит России просто идеально. И тут демократия в полном объеме, потому что идеалы датской ментальности в основном демократического типа. Но это, скорее, мечты.

С. П. БЕЗНОСОВ, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП. — Уважаемый Виктор

Васильевич, я так понял, что при выделении четырех типов культуры Вы использовали два критерия, и оба количественные. Известно, что количественные критерии при типологии чего-либо — это прямая дорога к субъективизму и волонтаризму. Например, степень оволосения: два волоска на голове — это мало, а в супе — много. Вопрос: правильно ли я понял, что Вы не осознаете опасность, когда берете в качестве типологии количественный критерий?

Г. М. РЕЗНИК: — Скажем так: не опасность, а ограниченность. Пожалуйста.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Нет, я сторонник измерения культуры. Культуру надо измерять и применять как важнейший элемент менеджмента. Более того, я считаю, что на основе культуры можно построить всю систему управления на фирме. В частности, конкретный ответ: я в своем исследовании использовал данные трех авторов — Хофстеде, Тромпенаарса и Льюиса, и убрал противоречия. То есть измерение культуры — это нормально.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Я хочу поблагодарить организаторов Чтений за возможность выступить с этой трибуны. Не первый раз мне выпадает честь поделиться волнующими меня проблемами и в первую очередь послушать ведущих представителей российской науки в широком гуманитарном контексте. Здесь у нас есть возможность обменяться мнениями в междисциплинарном режиме.

Генри Маркович обозначил гендерное равенство, а я позволю себе восстановить межпоколенческое равенство и обращаю свое выступление в первую очередь к студенческой аудитории. Я хочу поставить проблему, которая мне кажется сейчас актуальной, даже, может быть, не сиюминутно для нашей страны, сколько для будущего. И молодым людям, находящимся здесь, придется так или иначе решать эту серьезную социокультурную, экономическую, отчасти политическую проблему.

Мир изменился кардинальным образом, не всегда даже осознаваемым, и глобальный мир требует других подходов к управлению. Постановка проблемы не на уровне экспертного сообщества уже осуществляется — в рамках Организации Объединенных Наций, программ развития ООН, в частности в последнем докладе о человеческом развитии. Эта задача порождает много проблем и противоречий, то есть, решая одну проблему, мы множим другие.

Я бы хотела кратко остановиться на контексте, в котором происходит обсуждение становления новой системы управления в глобальном развитии, в частности на социальном аспекте этого процесса. С исчезновением Советского Союза у человечества осталась одна приемлемая модель развития, которую можно назвать моделью социального и демократического государства. И в то время, когда эта модель стала маяком для всего

мира, сама модель начала испытывать серьезные проблемы. Институты, которые раньше занимались социализацией экономики, развитием, обеспечивали прогресс, демократию, сейчас все хуже справляются с этой задачей. Выборы в Европарламент покажут, насколько хорошо работает этот институт. Зачастую демократическим путем приходят к власти отнюдь не демократические правительства. Это и экономические институты, и институты, которые ответственны за социальную политику. Проявляется это в том числе и в социально-трудовой сфере ухудшением ситуации.

Я позволю себе не согласиться с Генри Марковичем. Вчера наряду с другими блестящими выступлениями его доклад был одним из самых ярких. Он говорил о том, что происходит гуманизация. Однако данные статистики свидетельствуют о том, что это не совсем так. Наблюдается ухудшение по разным параметрам, начиная от качества занятости и трудовой жизни и заканчивая механизмами регулирования социально-трудовых отношений (лизинг, аутсорсинг, перевод трудовых отношений в гражданско-правовые формы и т. д.). Кстати, когда кто-то из предыдущих ораторов сказал, что у нас эти формы не приживаются, — я с этим не согласна. Многие промышленные предприятия переводят основные производства на лизинг и аутсорсинг, например, в области металлургии.

Одним из наиболее ярких примеров ухудшения ситуации в социально-трудовой сфере может служить рост незанятости. В странах с жесткой правоприменительной практикой это выражается в росте безработицы, в других странах — в скрытой, неформальной занятости и т. д. Это одна из причин ухудшения ситуации. Дело в том, что современная социальная политика базируется на трудовой сфере, здравоохранении, образовании, социальном и пенсионном обеспечении. Поэтому, когда ухудшается качество занятости и занятость сокращается, исчезает основа современной социальной политики. Одной из причин, приводящих к этому, является прогресс, в первую очередь технологизация современной экономики. Вряд ли можно назвать хотя бы одну отрасль экономики, которая сможет обойтись без присутствия человека. А если учитывать, что тех, кто претендует на рабочие места, 3,5 млрд, то мы понимаем, что главная конкуренция сегодня — это конкуренция за рабочие места. Причем не просто качественные рабочие места, а за рабочие места вообще. И если раньше мы говорили о том, что безлюдной становится промышленность, то сейчас уже речь идет о сфере обслуживания, торговле, социальном обеспечении, то есть о наиболее трудоемких отраслях современной экономики. Каким будет мир за пределами занятости — философский вопрос.

Ко мне обратилось немецкое издательство, найдя в одной из моих работ упоминание об этих проблемах. Они сказали, что сейчас развитые страны первыми столкнулись с этой проблемой. И 60 % безработицы во многих южноевропейских странах, молодежная безработица — это реальность. Я думаю, что это не конъюнктура рынка, а межпоколенческий сдвиг. Это уже отнюдь не социально-экономическая, а социокультурная, политическая проблема.

Заканчивая свое выступление, процитирую стихи французского автора:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой.

Мы должны думать о работающей системе и решать этот вопрос. Упомянутая здесь глобализация, несмотря на то что этот термин был придуман еще в нулевых годах, актуальна как никогда. Потому что есть конвенционные цели развития, сформулированы даже критерии социального прогресса, но социальные практики носят конкретный и локальный характер.

Г. М. РЕЗНИК: — Большое спасибо. Слово предоставляется профессору Григорию Феликсовичу Фейгину.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Если говорить о евразийских интеграционных проектах, то идея евразийства так или иначе связана (это можно отнести не только к ЕврАзЭС) с проблемой соотношения двух понятий — регионализации и глобализации. За последние два-три десятка лет региональные интеграционные процессы развивались стремительно. Сегодня в мире более 200–250 региональных интеграционных образований (самые известные — Евросоюз, АСЕАН, МЕРКОСУР, Андский пакт, гораздо больше менее известных).

Возникает вопрос: как соотносятся глобализация и регионализация? В частности, высказываются такие полярные мнения, что на самом деле глобализация не существует, а есть региональные группы, региональные интересы, которые создаются для того, чтобы противостоять другим. Я хочу обратить внимание на достаточно известную и полезную для многих исследований концепцию венгерского экономиста Белы Балашша, который выделяет пять интеграционных ступеней — это зона свободной торговли, таможенный союз, экономический союз, валютный союз и политический союз. Как бы мы ни относились к этой классификации, она дает возможность проверить глубину, то, до какой степени нужно интегрироваться. Кроме того, эта концепция позволяет обозначить концепцию и модель интеграции.

Можно много говорить о ЕврАзЭС и других формах интеграции. Вопрос заключается в том, как интегрироваться и что лежит в основе. Некоторые высказывают мысль, что не надо было отказываться от Советского Союза, нужно было что-то подправить, и все было бы хорошо, но возникает вопрос — по какой модели развиваться дальше.

Я думаю, что не существует противоречия между глобализацией и регионализацией. Можно говорить о последовательной смене ступеней: региональный уровень, межрегиональный и глобальный. Сегодня сильно не столько региональная интеграция, сколько межрегиональная. По сути, это трансатлантическая экономическая зона. Евросоюз и Североамериканская зона свободной торговли (США, Канада и Мексика) сегодня стремятся создать такое межрегиональное образо-

вание. Или другой пример — Азиатско-Тихоокеанский регион. То есть страны объединяются, находясь на разных континентах, по определенному критерию, например тихоокеанская граница (США, Китай, Австралия, Перу). Разные страны входят в Азиатско-Тихоокеанский регион. Но все не заканчивается региональным уровнем. Существует и межрегиональная интеграция. Евразийство — это пример перехода от региональной интеграции к межрегиональной.

Интересно, что европейская интеграция — это вронкообразный процесс. Сначала было 6 стран, сегодня в Евросоюзе 28 стран. По сути, у Европы резервы расширения почти исчерпаны. Кого еще можно в Европе принять в Евросоюз? Страны из бывшей Югославии, Украину, Белоруссию. Куда дальше? Дальше — Россия и Азия.

Важно, что в регионе легче интегрироваться, то есть с соседями уживаться проще. С ними можно, конечно, и конфликтовать, и ругаться, и воевать. История Европы — это история многочисленных войн. Но в конце концов через эти войны Европа пришла к достаточно эффективно работающей интеграционной модели. Сегодня в Евросоюзе есть проблемы. А как их может не быть? Как можно объединить Швецию и Португалию, чтобы страны с такими разными историями и процессами в ходе интеграции не имели проблем? Но тем не менее сегодня это Шенген, зона без границ.

Я хочу сказать, что дальше выходить на межрегиональный уровень в рамках континента проще, но Евразия все-таки имеет свою специфику. Это самый большой в мире континент. Здесь необычайно мультикультурный состав населения, даже если посмотреть только на языковую составляющую. В Латинской Америке говорят на двух языках: испанском и португальском, Северная Америка (Канада и США) — англоязычная, Мексика — испаноязычная. Сколько языков в Евразии, в одной Европе? Существуют большие различия и в уровне экономического развития.

Поэтому идея евразийства возникла вовремя. ЕврАзЭС — один из проектов, который так или иначе стоит на повестке дня. Но еще совсем недавно высказывалась идея о едином пространстве России и ЕЭС, расширении существующих блоков и сотрудничестве между ними. Например, АСЕАН и Евросоюз тесно сотрудничают. АСЕАН даже заявляет о том, что Европейский Союз — образец для них. То есть они еще не так далеко зашли по пути интеграции, как Европа.

Модель Балашша хороша тем, что все блоки можно исследовать на предмет широты и глубины интеграционных процессов. В Евросоюзе есть почти все, кроме политического союза. Если бы они приняли Конституцию, то, наверное, стояли бы на пятой ступени. Но они ее не приняли, а заменили Лиссабонским договором, который близок к политическому союзу, но не идентичен.

Существуют и социокультурные барьеры. Сегодня много проблем социокультурного характера. С одной стороны, очень амбициозная идея — Евразийский проект, или как вместе прийти к Европе. С другой стороны, даже в Европе долгой кризис, в Греции, среди прочего, социокультурная проблема. Ментальность

греков не позволяет им так обращаться с деньгами, скажем, как ментальность шведов, поэтому у них долговой кризис. Или Турция. Экономика Турции мощнее, чем экономика Румынии. Но почему-то Румыния в Евросоюзе, хотя кто-то тоже говорит, что принята преждевременно, а Турция — нет. Потому что Евросоюз, среди прочего, — христианский проект. Там нет ни одной страны, где бы сейчас не доминировала христианская религия. Если принять Турцию, появится исламская страна. Эти амбиции непросто реализовать с такими социокультурными проблемами.

Г. М. РЕЗНИК: — Большое спасибо. Когда греки проели все деньги, они вышли на демонстрации с лозунгами: «Лучше умереть от пули, чем от работы».

С. П. БЕЗНОСОВ: — Сколько критериев выделения этих пяти подразделов использовал Балашша?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Здесь качественные критерии. Например, зона свободной торговли: скажем, они договариваются, что у них нет пошлин внутри, но с третьими странами они могут иметь свою таможенную политику. Таможенный союз означает, что они проводят единую политику в рамках всего союза. Экономический союз означает, что они, кроме всего прочего, имеют абсолютно безграничные формы предпринимательства и т. д. Есть один базовый критерий перехода на новую ступень. Ведь каждая ступень включает в себя все предыдущие.

С. П. БЕЗНОСОВ: — При одном критерии не может получиться пять рубрик.

А. С. ГРУЗИНОВ: — Почему, на Ваш взгляд, Балашша не рассматривал возможность военного союза? Хотя это тоже качественный критерий.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я думаю, что политический союз, последняя ступень, означает, что страны настолько глубоко интегрированы, что, по сути, стали одной страной. Может быть, он имел в виду, что если страны доходят до политического союза, отсюда вытекает и военная интеграция.

Егор ЛИПИН, III курс, юридический факультет: — Какие, по Вашему мнению, существуют тенденции преодоления социокультурных барьеров?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Есть, безусловно, очень много примеров культурного сотрудничества, совместных образовательных программ, бизнес-проектов, то есть представители разных культур постоянно друг с другом встречаются. Один немецкий коллега мне сказал, что он, будучи в Китае, убедился, что у немцев и китайцев много общего в менталитете. Безусловно, многообразие контактов стирает культурные барьеры, но они все равно остаются. Поэтому я думаю, что настоящее евразийство, евразийская интеграция — это вопрос все-таки ближайших десятилетий, когда эти барьеры действительно могут постепенно стереться

за счет количества контактов, которое может перейти в качество.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, хочу вернуться к вопросу, с которого началась наша конференция, — диалог культур. Что понимается под диалогом, какие формы диалога? На пленарном заседании Владимир Евгеньевич Чуров сказал, что война — это тоже форма диалога. Мне представляется, что основной формой диалога является совместное бытие разных культур, разных цивилизаций.

Приведу пример. Когда мы говорим о диалоге, я представляю себе стол: с одной стороны сидят одни люди, с другой — другие, и они пытаются говорить друг с другом и понимать. Мне кажется, что совместное бытие в рамках одного государства — это круглый стол, за которым сидят совершенно разные люди, которые пытаются жить вместе. Представьте себе, что за большим круглым столом сидят граждане Российской Федерации и хозяйка пытается их накормить. Она несет, скажем, вяленую конину, строганину, мацу. Непонятно, все ли гости будут довольны этим угощением. А самое главное, что люди, познакомившись за этим круглым столом, могут выстроить различные отношения, например роман. Например, если это будут представители Петербурга, Москвы, начнется цветочно-конфетный период, если это будет, скажем, представитель Кавказа, то он может жениться вторым браком одновременно на жене погибшего брата и т. д.

Когда мы говорим о диалоге, надо обязательно говорить о его форме. Я как юрист хочу поднять вопрос о формах государственного устройства, которые позволяют нам жить вместе. Какое отношение это имеет к культуре? На самом деле все мы живем в так называемой правовой культуре, которая помогает нам жить в сообществе. В первобытных обществах существовал какой-то правопорядок, в котором жили люди. Исследователи говорят о правовом режиме. Что понималось под правовым режимом? Это прежде всего обычное право и некие религиозные установления. Возникал некий этнорелигиозный режим (этно — отношение к некоему национальному сообществу, которое связано с природной средой обитания). Все прекрасно понимают, что этнорелигиозный режим на Кавказе и у якутов разный.

Гагик Арутюнян, председатель Конституционного суда Республики Армения, сказал, что существует понятие так называемой конституционной культуры — это культура, которая зарождается в этнорелигиозных режимах и приводит к образованию конституционного государства. Важно другое — что эти режимы

¹ Заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «О статусе субъекта Российской Федерации», «Исторические и правовые особенности субъектного состава РФ», «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Федеральное вмешательство» и др. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса.

существуют, и они чрезвычайно долговременны, от них трудно отстраниться, сделать вид, что их нет. Сейчас таких режимов в нашем светском государстве достаточно много. И надо сделать так, чтобы эти цивилизации совместно проживали, это должен быть настоящий диалог культур.

Человечество выработало две формы государственного устройства, связанные с реализацией конституционной культуры, — это так называемая культурно-национальная автономия и федеративные отношения. Федеративные отношения всегда соотносятся с территорией, но дело в том, что территория — достаточно условное понятие, потому что эти этнорелигиозные режимы в ситуации миграции населения распространяются и уходят с территорий.

Если мы возьмем национально-культурные автономии как форму государственного устройства, то увидим другую ситуацию. На самом деле национально-культурная автономия не носит правового характера. Это ситуация достаточно болезненная. Еще марксисты в XIX веке отмечали, что там невозможен правовой режим. Это очень интересная вещь, и я хотел бы, чтобы уважаемые студенты занялись созданием неких федеративных отношений (федерация в переводе означает «союз»), которые основаны не на территориальных субъектах, а на сообществах экстерриториального характера.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо. Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Перебоеву.

В. С. ПЕРЕБОЕВ¹: — Для меня большая честь представить Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития на столь значимом мероприятии. Хотелось бы сначала сказать несколько слов о Евразийском банке развития. Это международная финансовая организация, межгосударственный институт, способствующий интеграции евразийского пространства. Евразийский банк развития был создан в 2006 году по инициативе президентов Казахстана, Кыргызстана и России. В настоящее время в него входят 6 стран-членов. Мы ожидаем вступления дополнительных членов, в том числе за пределами постсоветского пространства. Наш банк управляет средствами антикризисного фонда ЕврАзЭС. В 2011 году в рамках Евразийского банка развития был создан Центр интеграционных исследований, который занимается прикладными исследованиями Таможенного союза, его функционирования в едином экономическом пространстве, изучением эффектов расширения этого экономического пространства и евразийской интеграции в целом, а также проблемами трудовой миграции, общественного восприятия евразийской интеграции, проблемами исследования инвестиционных потоков между странами и регионами СНГ и многими другими вопросами, в том числе и такими, как макроэконо-

мическое моделирование стран — членов Таможенного союза. Мы разрабатываем единый модельный комплекс совместно с Евразийской экономической комиссией и в официальном партнерстве с ними.

Сегодня я хотел бы представить один из наших проектов — «Интеграционные параметры» Евразийского банка развития. Этот проект посвящен исследованию общественного восприятия евразийской интеграции. Также я хотел бы передать вам некоторые материалы, которые публикует и издает наш Центр благодаря директору Евгению Юрьевичу Винокурову.

В проекте «Интеграционные параметры» Евразийского банка развития мы исходим из того, что создание Евразийского экономического союза, перспективы его формирования и развития евразийской интеграции в целом, в первую очередь евразийской экономической интеграции, невозможно оценивать в отрыве от общественного мнения, общественного восприятия и социальной поддержки этих процессов. В настоящее время именно социальная востребованность, потребность в этих процессах и их привлекательность для населения, бизнеса становятся зачастую на одном уровне с экономической целесообразностью евразийской интеграции.

Для того чтобы вовремя выявлять тревожные тенденции в общественном восприятии тех или иных направлений евразийской интеграции, в 2012 году учредили проект. В рамках этого проекта проводились исследования общественного мнения в 12 странах постсоветского пространства (страны СНГ + Грузия), были опрошены тысячи человек. Один из центральных элементов нашего исследования — выявление интеграционных предпочтений населения в экономической, политической и социокультурной областях. Интеграционные предпочтения мы определяем через понятие «притяжения к той или иной стране». При этом в рамках опроса формулируются максимально простые вопросы, посредством которых выявляется притяжение стран постсоветского пространства к тому или иному блоку.

Что имеется в виду под блоками? Три категории — социокультурное, политическое и экономическое притяжение — мы распределяем по трем классам: притяжение к странам постсоветского пространства или бывшего СССР, к странам Евросоюза и за пределы постсоветского пространства, Евросоюза, то есть притяжение к странам остального мира. Отдельно исследуется аспект, когда респондент не выбирает ни один из этих секторов.

Еще один важнейший элемент нашего опроса — изучение мнения граждан стран — членов Таможенного союза, а также изучение мнения граждан стран, не входящих в Таможенный союз, о перспективах присоединения их стран к Таможенному союзу или единому экономическому пространству.

Я хочу представить результаты исследований 2013 года (исследования 2014 года будут представлены в сентябре, сейчас проводятся новые замеры общественного мнения во всех странах и регионах СНГ). Поддержка Таможенного союза совместно с поддержкой европейской интеграции странами — членами

¹ Руководитель направления Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Российская Федерация и интеграционные процессы на постсоветском пространстве», «Вступление Кыргызстана в ТС и ЕЭП: последствия для рынка труда и человеческого капитала» (в соавт.) и др.

Таможенного союза находится на довольно высоком уровне: наиболее высокая поддержка — в Казахстане, на втором месте — в России, на третьем — в Белоруссии. При этом если в Казахстане и в России за год произошло снижение уровня поддержки участия этих стран в Таможенном союзе, то в Белоруссии, наоборот, — рост уровня поддержки участия в Таможенном союзе. Что касается перспектив присоединения других стран и регионов СНГ к Таможенному союзу и единому экономическому пространству, то наиболее высокая поддержка присоединения к Таможенному союзу выявлена в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане и Армении, то есть три из этих стран — ближайшие кандидаты на вступление в Таможенный союз. Тревожные тенденции обнаружены прежде всего на Украине и в Молдове, в этих двух странах за год поддержка перспектив присоединения к Таможенному союзу снизилась в среднем на 20 %, то есть на 20 % выросло отрицательное отношение к такой перспективе. Наиболее отрицательное отношение — в Азербайджане, здесь 53 % выступают против присоединения этой страны к Таможенному союзу.

Мы сопоставили эти данные с «евробарометром»: в Европейском союзе поддержка этих стран выражается со значительным уровнем скептического отношения. В Евросоюзе поддержка участия этих стран в едином рынке достигает 50 %, а на всем пространстве коллективное отношение значительно выше.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Юрию Васильевичу Косову.

Ю. В. КОСОВ¹: — Тема моего выступления — «Интеграционные инициативы в сфере образования, науки и молодежного сотрудничества на евразийском пространстве». Сегодня в приветственном слове Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о важности евразийского направления. Мы уже заслушали целый ряд интересных докладов, которые касались таких общих принципиальных моментов либо евразийской интеграции в целом, либо экономической интеграции как бесспорного ядра мейнстрима евразийских интеграционных процессов в целом. Но евразийская интеграция, конечно, не будет полной и не состоится, если не будет

¹ Заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Мировая политика и международные отношения», «Европейская интеграция и развитие отношений России и Европейского Союза» (в соавт.), «Российская наука международных отношений: к обретению собственного лица», «Народовластие на службе у элит» (в соавт.), «Взаимосвязь энергетической и экологической безопасности в условиях современного мирового экономического кризиса», «Методологические основы компетентностного подхода», «Феномен глобализации в современных международных исследованиях», «ОДКБ может стать сплоченной военно-политической организацией», «Евразийская интеграция вышла на качественно иной уровень», «Экономический вес Запада уменьшается с каждым годом», «Развитие европейской региональной политики: путь к углублению сотрудничества или к конфликту?» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Управленческое консультирование», член редакционных коллегий журналов «Евразийская интеграция» и «Балтийский регион».

интеграции не только в таком глобальном измерении, но и на уровне контрактных сфер деятельности общества, конкретных организаций, которые тоже должны участвовать в этом процессе.

Одним из важных направлений является создание общего образовательного пространства, которое может формироваться через взаимодействие вузов европейского региона, студенческие образовательные обмены, то, что называется студенческой образовательной мобильностью. Достаточно интересным подходом, который разрабатывают у нас в Академии, является и кластерный подход к интеграции в сфере образования, к концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Создание кластеров представляется важнейшим направлением формирования общенациональной системы поддержки инноваций и развития в России. Интеграция в кластере представлена как объединение различных структур и как нахождение новой формы сопряжения их потенциалов с целью производства инновационного продукта. Мы полагаем, что целями образовательного кластера являются повышение качества профессиональной подготовки, удовлетворение текущих и перспективных потребностей работодателей в высококвалифицированных специалистах. Основные задачи образовательного кластера: построение эффективной системы межвузовского партнерства, развитие интеграционных систем непрерывного образования, гармонизация подходов к развитию этнонациональных систем образования. В итоге должен быть получен определенный синергетический эффект.

Первые попытки такой интеграции мы осуществляем в Евразийской ассоциации академий в области государственного управления, которые были созданы при главах государств Евразийского региона (прежде всего это академии при президентах России, Белоруссии, Казахстана, но участвовали и другие страны).

Другой важный момент — инициатива идет от молодежи, от студентов. Сейчас создается целый ряд молодежных организаций, которые занимаются проблемой евразийской организации. На базе президентских академий России, Белоруссии, Казахстана создана Евразийская молодежная ассамблея. И надо сказать, что в Петербурге в середине апреля был проведен первый Евразийский молодежный инновационный конгресс, который поддержали правительства Петербурга и Ленинградской области и в котором принимали участие ребята из десяти стран (я курировал этот проект, но в общем-то это была инициатива молодых людей).

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо, Юрий Васильевич.

А. В. СОКОЛЬСКАЯ: — Постулат, что государства, народы находятся в постоянном культурном контакте, сегодня известен всем. Существуют различные формы межкультурного контакта: экспансия, рецепция, интеграция, конвергенция и другие. Формы межкультурного контакта изменяются в историческом процессе, меняется положение социума вступающего в контакт, средства, методы и способы его осуществления.

Мне трудно согласиться с репликой Генри Марковича Резника, что насилия стало меньше. Вовсе нет, его не стало меньше, просто оно стало менее открытым, приобрело латентный характер и теперь осуществляется иными средствами и методами.

С этой трибуны мы уже упоминали такую форму межкультурного контакта, как интеграция, которая, по моему мнению, предполагает взаимодействие между социумом-донором и социумом-реципиентом. Иными словами, вокруг доминирующего социума интегрируются другие. И, как верно отметил в своем докладе профессор В. В. Миронов, доминирующий социум распространяет свои идеи на другие сообщества различными путями, в том числе через право.

Как явствует из сообщений предшествующих докладчиков, Россия и Казахстан стремятся интегрироваться в Европу, поэтому охотно перенимают многие западноевропейские правовые институты. Хочу возразить: может быть, Европе пора подумать о возможной интеграции в евразийское культурное пространство?

Мой доклад посвящен проблеме конвергенции правовых культур на евразийском культурном пространстве. Почему именно конвергенция, а не интеграция? Потому что правовая конвергенция — это современная форма межкультурного контакта, которая предполагает добровольный двусторонний (многосторонний) процесс сближения правовых культур социумов-партнеров, в результате которого образуются единое правовое пространство и новая правовая культура.

Сегодня мы становимся свидетелями политической, экономической и, как следствие, правовой конвергенции. Мировое сообщество испытывает потребность в правовом единении. Как верно подчеркнул на пленарном заседании академик А. А. Гусейнов, природное единство людей — это историческая реальность. Поэтому и создаются международные государственные, общественные организации и объединения на евразийском постсоветском пространстве.

В результате конвергенции национальных правовых культур на евразийском постсоветском пространстве возникают предпосылки формирования евразийской правовой культуры, когда культурное многообразие не выравнивается, а принимает новые формы, которые только отчасти и не всегда интегрируются со старыми.

Конвергенция евразийских государств имеет социокультурные основания: общность территории, языка, исторического и культурного развития, единство культурных традиций, демографические и миграционные процессы, толерантное отношение к этническим и религиозным ценностям народов, проживающих на данной территории. В результате конвергенции в Евразии возникают новые целостности, обладающие качественно новыми свойствами, например единое евразийское экономическое пространство, евразийское политическое и правовое пространство и др. Сегодня мы становимся свидетелями и участниками создания Евразийского союза, который может стать предтечей образования не только новой геополитической структуры,

но и основой формирования евразийской цивилизации в III тысячелетии.

Процесс конвергенции национальных правовых культур на евразийском пространстве будет углубляться и реализовываться поэтапно. Первый этап можно назвать «постсоветским», так как конвергенция затрагивает ближний круг стран СНГ, имеющих длительные социокультурные контакты, единые исторические корни. Данный этап начался фактически сразу после распада СССР, в 1991 году, и завершится примерно в 2015 году созданием Евразийского союза. Второй этап — «евразийский» — начнется с создания Евразийского союза как глобального экономического, политико-правового объединения. К государствам Союза могут присоединиться страны Восточной Европы, Азии и Востока. Данный этап ознаменуется формированием евразийского права, евразийской правовой культуры. Третий этап — континентальный — объединит государства всего Евразийского континента и фактически завершит формирование евразийского правового пространства, мирового правопорядка на основе принципов разумности, справедливости, равенства, свободы. Третий гипотетический этап еще предстоит осмыслить, но уже сегодня следует осознать, что конвергенция национальных правовых культур, формирование евразийского правового пространства и евразийской правовой культуры — это объективные процессы, которые необходимо исследовать.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо аудитории за внимание. Слово предоставляется академику Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Судя по реакции, аплодисментам, наше заседание прошло успешно и понравилось присутствующим. Мы живем в уникальной стране, у нас не единая культура, как у китайцев, американцев, у нас много культур, больше ста языков, национальностей. Мы настолько уникальны, что говорить о единой культуре не приходится.

У Китая другая культура, и в чем-то нам не нужно брать с них пример (например, они за преступления отрубали головы). Мне кажется, нам у Китая надо взять на вооружение принятие важных решений. Допустим, чтобы ввести на уровне местного самоуправления голосование, они сначала проводят эксперимент. Мы не научились ставить эксперименты. Мы вводим Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» сразу для всех. Возможно, где-то он будет хорошо работать, но в большинстве случаев — плохо. Нужно сначала провести эксперимент и т. д. И наши юристы все правильно сделали, но в Китае есть понятие эксперимента, а у нас — нет. Это хороший опыт, наверное, надо его у них позаимствовать.

Мы много говорим о ЕГЭ. Сначала нужно было провести эксперимент. Причем мало просто его провести, потом его результаты следует детально проанализировать. Поэтому к юристам много претензий.

Мне лично понравились многие выступления, все выступающие — профессионалы в своей области.

Но главное — они отразили, как на это воздействует культура.

Г. М. РЕЗНИК: — Я не случайно задал вопрос относительно того, Европа мы или не Европа. Этот вопрос очень важен. Нам нужно определяться. Выдающийся правовед профессор Иоффе говорил, что, если понятие нагружать несвойственным ему значением, оно лопнет. Почему я либерал? Потому что не надо наделять понятие либерализма значениями, которые ему несвойственны. Либерал ставит акцент на творчество, инициативу, созидание, а социальные идеи — немного другое, это справедливость и распределение. Искусство управления государством заключается в том, чтобы ни одна идея до конца не уничтожала другую.

У России действительно сложнейшая история. В нашей культуре много намешано. Как говорил выдающийся мыслитель Померанц, национальная культура россиянина представляет собой многослойный пирог. Последнее тысячелетие страна возведена в ранг христианской культуры, я полагаю, что нам нужно определиться, потому что сейчас, в связи с событиями на Украине, вновь высказываются мнения о том, что мы не Европа, у нас особый культурно-исторический код, самобытность. Это код был у всех народов, просто многие страны его преодолели раньше, а у нас остался

этот общинный код. Постоянно возникает соотношение — индивид и коллектив, сейчас фактически государство. Не нужно говорить нам о восприятии восточных моделей. Китай — это колоссальная культура, они другие. А если рассматривать Китай с экономической точки зрения в той ситуации, в которой он находился, — это Советский Союз в 1920-е годы: колоссальный избыток дешевой рабочей силы и мало капитала.

Что нас гонит, мучит? Наша жизнь коротка, и нам хочется справедливости при жизни. Но мы, люди науки, должны выбирать рациональный путь, основанный на достижениях объективной действительности, данной нам в ощущениях, и ни в коем случае не делать ставку на некоторые архетипы, мифы, традиции и пр.

И последнее. Не дай Бог заняться воспитанием нового человека. Такой эксперимент был поставлен в Советском Союзе: воспитали новый тип советского человека, в котором сочетались агрессия и послушание. Упрек, который Юрий Афанасьев бросил последнему Верховному Совету — агрессивно послушное большинство — относится к большинству представителей старшего поколения, к которому я тоже отношу себя. Мы постоянно «задавливаем» в себе те качества, которые воспитывала советская власть, это двойные стандарты, цинизм. Не дай Бог, чтобы эти качества восприняла молодежь, которая находится в этом зале.